

щей между Ниломъ и Фецаномъ. Самый Фецанъ, быть-можетъ, образуетъ только обширный оазисъ; быть можетъ, то же надо сказать и о Боргу и Даръ-Сулеъ. Намъ известны еще нѣкоторые оазисы; известно также, что въ Годавъ встрѣчается много колодезъ, окруженныхъ растительностію. На этомъ почти и ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о Сахарѣ. Но еще Страбонъ, въ свое время, писалъ, что африканскій материкъ походитъ на кожу барса, потому-что онъ какъ будто испестренъ обитаемыми участками земли, которые одиноко лежатъ между бесплодныхъ и пустынныхъ странъ. Эти участки, очевидно, не иное что, какъ оазисы Сахары. Изъ этихъ словъ Страбона можно заключить, что древніе имѣли довольно вѣрныя понятія о внутренности Африки. Но какимъ образомъ Римляне могли приобрести эти свѣдѣнія, тогда-какъ мы знаемъ еще очень немногія точки на западъ отъ Триполи? Отвѣтъ не труденъ. Сахарою преимущественно владѣли тѣ арабскія племена, которыя, презирая мавританскую гражданственность, любили свободу, независимость кочевой жизни и выгоды войны, и которыя владѣли монополіею торговли между внутренними странами Африки и берегами Средиземнаго моря, то есть всею торговлею съ Европою. Многочисленныя стада верблюдовъ доставляли имъ удобное средство отправлять свои караваны во всѣ отдаленныя мѣста. И тогда-какъ другіе Арабы посѣлялись въ римскихъ городахъ, въ богатыхъ прибрежныхъ странахъ и даже въ Европѣ, Арабы кочевые создали такъ-сказать совершенно отдѣльную имперію, которую не смѣлъ оспаривать у нихъ ни одинъ воинственный народъ. Мавры, Нумидійцы, Берберы слишкомъ любили городскую жизнь, и потому не могли завидовать кочевымъ Арабамъ въ владычествѣ надъ пустынями. Впрочемъ, многія племена присоединялись къ кочевымъ Арабамъ и получали во владѣніе колодезъ или оазисы, равно какъ принимали участіе и въ торговлѣ. Быть-можетъ, такое начало имѣли сильныя племена Туата и Туарика. Какъ бы то ни было, но, вѣроятно, Римляне лучше насъ умѣли воспользоваться сообщеніемъ съ кочевыми Арабами, чтобы собрать свѣдѣнія объ ихъ странѣ. Известно, что Арабы всѣми средствами стараются скрывать тайну о существованіи своихъ оазисовъ и колодезъ, и вообще всѣхъ мѣстъ, гдѣ есть вода и растительность. Удивительно ли, послѣ этого, что они рассказываютъ путешественникамъ такіе ужасы объ мѣстахъ своего убійства. Очевидно, что мы никогда не будемъ имѣть точныхъ свѣдѣній объ Сахарѣ, если станемъ ограничиваться только разсказами Арабовъ. Но-крайней-мѣрѣ, мы знаемъ теперь, что чѣмъ болѣе французскія войска подвигаются къ югу Алжиринъ, тѣмъ далѣе, кажется, убѣгаетъ отъ нихъ та пустыня, которую, въ прежнее время, изображали намъ въ такихъ ужасныхъ картинахъ. Надо ожидать, что покореніе Алжиринъ откроетъ путь къ самымъ точнымъ географическимъ изслѣдованіямъ загадочныхъ странъ внутренней Африки.

ЭНЕРГИТИПЪ, НОВЫЙ СВѢТОПИСНЫЙ СПОСОБЪ.
 Всѣ известныя до-сихъ-поръ свѣтописные способы требуютъ чрезвычайной хлопотливости и осторожности; отъ того лица, не привыкшія ко всѣмъ приемамъ этихъ способовъ, часто испытываютъ неудачи въ своихъ опытахъ. Но теперь господинъ Робертъ-Гунтъ придумалъ новую фотографическую методу, которая, по своей простотѣ, съ перваго взгляда, заслуживаетъ предпочтеніе передъ всѣми другими. По этой методѣ, надо взять лучшей почтовой бумаги и напитать ее слѣдующимъ растворомъ:

Раствора, насыщеннаго янтарною кислотою 2 драхмы.
 Слизи арабской камеди..... 1/2 драхмы.
 Воды ..... 1 1/2 драхмы.

Когда эта бумага высохнетъ, тогда надо покрыть ее одинъ разъ растворомъ, состоящимъ изъ одной драхмы селитрокислаго серебра, разведеннаго въ одной унціи дистиллированной воды. Послѣ этого стоитъ только высушить бумагу въ темнотѣ, и она будетъ готова къ употребленію. Можно хранить ее въ портфелѣ и употребить въ дѣло, когда вздумается. Когда вынимаютъ эту бумагу изъ камеръ-обскуры, на ней еще не видно никакого слѣда изображенія. Тогда надо взять растворъ изъ одной драхмы сѣрнокислаго желѣза (sulfate de fer) съ двумя или тремя драхмами слизи арабской камеди, и нѣсколько секундъ быстро водить по поверхности бумаги, щеткою, напитанною этимъ растворомъ. Изображеніе станетъ выказываться мало-по-малу, и наконецъ появится прекрасный свѣтописный отпечатокъ. Какъ скоро отпечатокъ покажется удовлетворительнымъ, то надо снять съ него растворъ сѣрнокислаго желѣза, что дѣлается посредствомъ мягкой губки, напитанной чистою водою. Потомъ эта бумага погружается, на короткое время, въ воду. Чтобы придать изображенію твердость, для этого можно употребить амміакъ.

Этотъ способъ, въ сравненіи съ другими, имѣетъ важныя преимущества. Бумагу, приготовленную по такой простой методѣ, можно сохранять до-тѣхъ-поръ, когда придется употребить ее въ дѣло, и послѣ того, какъ получится на ней отпечатокъ, можно держать ее въ портфелѣ, пока представится удобный случай оживить напечатанный образъ. Изобрѣтатель увѣренъ, что его метода можетъ имѣть приложеніе и при снятіи портретовъ.

Наблюденія, произведенныя господиномъ Гунтомъ надъ солнечными лучами, при помощи призмы, доказали ему, что лучи, производящіе химическое дѣйствіе, которое служитъ основаніемъ его методы, рѣшительно не зависятъ отъ теплоты и свѣта солнца. И такъ-какъ всѣ фотографическія явленія происходятъ отъ *энергій*, то и этотъ способъ названъ *энергитипомъ*.

139
36
33
6/4

№ 14. ЮНЬ 1844.

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — *Русская Слоесность.* Любовныя письма, повѣсть, Леона-Гозлана. — *Науки и Художества.* Прага и Богемія. (Записки путешественника. Окончаніе. — *Смѣсь.* Ледъ Соль. — Общественная и частная жизнь въ Японіи. — Японскія женщины. — Воспитаніе. — Брачныя союзы. — Повседневная жизнь Японцевъ. — Судъ Божій у Малагшей. — Составныя части азота.

При этомъ номерѣ приложенъ портретъ ледъ Соль.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

XX ~~438~~
1

ПОРТР. ИСТ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 50 коп., за полгода—8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугода, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

№ 14. ЮНЬ 1844.

Современная Исторія

и

Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

—

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

—

Нашему Тайному Совѣтнику, Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру при Ея Величествѣ Королевѣ Великобританской, барону *Брунову*.

Отличное и постоянное усердіе ваше къ службѣ обратили на васъ Монаршее Наше вниманіе. — Желая изъявить вамъ особенное Наше благоволеніе и признательность за труды, подъяемые вами на пользу службы, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ ордена *Св. Александра Невскаго*, знаки коего препровождая при семъ, пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благодарны.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ, 17 Іюня 1844 года.

№ 14.

Высочайшими повелѣніями 8-го Августа 1840 и 16 Февраля 1842 года, о повсемѣстномъ разведеніи картофеля, постановлено было, между прочимъ: 1) для снабженія государственныхъ крестьянъ сѣмяннымъ картофелемъ, учредить общественныя посѣвы сего овоща при Волостныхъ Правленіяхъ и при сельскихъ обществахъ, доколѣ не распространится разведеніе его въ достаточной мѣрѣ; 2) государственныхъ крестьянъ, отличающихся особенными противу прочихъ усиліями въ разведеніи картофеля, представлять къ награжденію золотыми и серебряными медалями, по установленному порядку; сверхъ того, для возбужденія общаго между ними въ семъ дѣлѣ соревнованія, назначить на счетъ предоставленныхъ на три года въ распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, суммъ, особыя награды денежными преміями. За симъ, въ слѣдствіе значительнаго распространенія разведенія картофеля, Высочайшимъ именнымъ указомъ отъ 15 Февраля 1843 года, въ губерніяхъ, гдѣ посѣвъ сего овоща увеличился въ общей сложности до 1 четверика на душу и болѣе, повелѣно было, общественныя посѣвы при Волостныхъ Правленіяхъ прекратить, въ губерніяхъ же южныхъ, половину общественныхъ участковъ засѣять кукурузою, для раздачи поселянамъ, нуждающимся въ сѣменахъ, распространивъ на разведеніе кукурузы поощренія, постановленныя за разведеніе картофеля. Наконецъ, 5-мъ пунктомъ того же Высочайшаго указа, въ поощреніе промышленниковъ къ устройству паточныхъ, крахмальныхъ и другихъ заводовъ, для передѣлки картофеля, постановлено правиломъ, чтобы за устройство такихъ заводовъ, когда на нихъ въ теченіе пяти лѣтъ сряду будетъ обдѣлываться до трехъ тысячъ четвертей картофеля, награждать серебряными меда-

лами, для ношенія на шеѣ, а за обдѣлку въ теченіи шести лѣтъ сряду, до десяти тысячъ четвертей, золотыми медалями для ношенія на шеѣ.

Нынѣ по всеподданнѣйшему Г. Министра Государственныхъ Имуществъ представленію, объ успѣхахъ разведенія картофеля за минувшіе три года, Государь Императоръ, усматривая, что мѣра пространства посѣва сего овоща исполнена съ особеннымъ успѣхомъ, и что въ настоящее время остается только содѣйствовать сбыту картофеля, и лишь въ немногихъ губерніяхъ продолжать дѣйствіе поощрительныхъ мѣръ къ разведенію оного, въ 8 день Мая мѣсяца Высочайше повелѣтъ соизволяя:

1) Общественные посѣвы картофеля при Волостныхъ Правленіяхъ и при сельскихъ обществахъ повсюду прекратить.

2) Въ губерніяхъ: С. Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Московской, Курской, Тульской, Калужской, Черниговской, Орловской, Харьковской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской, Полтавской, Костромской, Липляндской, Эстляндской, Курляндской, Минской, Виленской, Могилевской, Гродненской, Виленской, Ковенской, Волынской и Кіевской, гдѣ посѣвъ достигъ 1-го четверика на душу, награды и преміи изъ остающагося на сей предметъ капитала, раздавать тѣмъ только, кои стануть обращать сей овощъ на кормъ скоту.

3) Въ губерніяхъ: Олонеккой, Вологодской, Архангельской, Воронежской, Владимирской, Казанской, Саратовской, Пензенской, Пермской, Оренбургской, Вятской и Подольской, гдѣ посѣвъ картофеля не достигъ еще 1 четверика на душу, продолжать раздачу наградъ и премій за разведеніе сего овоща, преимущественно на поляхъ, и за обращеніе оного въ кормъ скоту.

4) Въ губерніяхъ южныхъ: Таврической, Херсонской, Екатеринославской, Астраханской и въ областяхъ Бессарабской и Кавказской засѣвать общественные участки исключительно кукурузою, продолживъ раздачу наградъ и премій за разведеніе кукурузы и картофеля.

5) Дѣйствіе 5-го пункта Высочайшаго указа 15 Февраля 1843 года, о поощреніи промышленниковъ серебряными и золотыми медалями, за устройство паточныхъ, крахмальныхъ и другихъ заводовъ, для передѣлки картофеля, сохранить во всей силѣ, вѣрды до усмотрѣнія.

Сравнительныя общія публичныя испытанія Военно-Учебныхъ Заведеній.

Съ 1-го по 10-е число сего Юня мѣсяца въ сборной залѣ Дворянскаго Полка происходили сравнительныя публичныя испытанія воспитанникамъ Военно-Учебныхъ Заведеній, предназначеннымъ въ семь году къ производству Офицерами въ гвардію, артиллерию, саперы и армию, а равно и воспитанникамъ, предназначаемымъ къ выпуску въ будущемъ году.

Сравнительныя испытанія учреждены приказомъ Его Императорскаго Высочества Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, отъ 22-го Апрѣля 1842 года, для очевиднѣйшей повѣрки направленія, хода и постепеннаго усовершенствованія учебной части въ Заведеніяхъ.

Мѣра сія не могла быть приведена въ исполненіе до введенія во всѣхъ Заведеніяхъ, какъ въ самой системѣ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ ученія, совершеннаго единообразія.

Сравнительное испытаніе нынѣшняго года продолжалось въ слѣдующемъ порядкѣ:

1 Юня, въ наукахъ физико-математическихъ; 3-го, осмотръ рисунковъ и чертежей; 5-го, въ наукахъ политическихъ; 7-го и 8-го, въ наукахъ военныхъ, и наконецъ, 10 Юня, въ языкахъ и словесности. Учебныя Заведенія, собранныя для сего испытанія, были: Пажескій Корпусъ, Школа Гвардейскихъ Подпоручиковъ и Юнкеровъ, 1-й и 2-й Кадетскіе корпусы, Павловскій Кадетскій Корпусъ, 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ и Дворянскій Полкъ, въ составѣ коего оканчиваютъ воспитаніе кадеты губернскихъ кадетскихъ корпусовъ.

Порядокъ, строгость и безпристрастіе, съ коими сопровождался сіи испытанія, по истинѣ могутъ назваться примѣрными. Отвѣты на вопросы требовались со всею отчетливостію, посему ихъ прерывали вопросамъ, относящимися къ главному, изъ коихъ можно было судить о подробностяхъ знанія сопряженныхъ обстоятельствъ. Во избѣжаніе же невольнаго иногда пристрастія учителя къ своему ученику и начальника къ своему подчиненному, экзамены производились и вопросы предлагаемы были не начальниками или профессорами самыхъ Заведеній, которые пребывали лишь зрителями, но нарочно для сего приглашенными, по разнымъ отраслямъ, лицами, извѣстными своею ученостію или глубокимъ знаніемъ своего дѣла.

Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія,

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, почтилъ своимъ посѣщеніемъ и участіемъ экзаменъ въ наукахъ политическихъ; при испытаніи же изъ наукъ военныхъ, Отечественная Война съ Французами, въ историческомъ и тактическомъ отношеніи, съ объясненіемъ всѣхъ бывшихъ главныхъ сраженій, была спрашиваемъ самимъ описателемъ оной, Генералъ-Лейтенантомъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Вопросы изъ Артиллеріи и Фортификаціи были предлагаемы артиллерійскими инженерными генералами, а по части Тактики принималъ участіе Г. Вице-Директоръ Военной Академіи. — При экзаменѣ изъ Русской Словесности, Н. И. Гречъ задавъ нѣсколько темъ, на которыя воспитанники обязаны были написать тутъ же небольшія сочиненія и прочитавъ ихъ для общаго сужденія; наконецъ, по части Теоретической и Прикладной Механики, вопросы были предлагаемы экзаминаторомъ Н. Н. Наурочкинымъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ одно изъ засѣданій Палаты Депутатовъ г. Готье де Рюмилли изложилъ измѣненіе, предложенное имъ въ законѣ о желѣзной дорогѣ въ Ліонѣ, и состоявшее въ томъ, чтобы настлжка рельсовъ произведена была на счетъ государства. Г. Ламартинъ объявилъ, что онъ прежде былъ самъ того мнѣнія, чтобы дороги устраивались правительствомъ; но съ 1842 года обстоятельства перемѣнились. Законъ 1842 г. благоразумно распредѣляетъ участіе между государствомъ и частными компаніями и принесетъ хорошіе плоды; между-тѣмъ-какъ безпрестанная можетъ быть только пагубна. — Г. Гарье Пажесъ взомель на кафедру. (Восклицанія: къ балатировкѣ! нѣтъ! нѣтъ!) Г. Гарье Пажесъ сказалъ, что онъ находитъ также законъ 1842 г. удовлетворительнымъ, но что его не такъ понимаютъ. Этотъ законъ обезпечиваетъ за государствомъ право владѣнія дорогами, представляя обществу право брать ихъ на откупъ. Надлежитъ только установить тарифы и сроки откупа на кратчайшее время. Чтобы воспользоваться такими выгодами, государство должно быть полнымъ властелиномъ своего положенія. Министръ сказалъ, что ему остается осуществить заемъ въ 300 милл. фр.; гдѣ же онъ найдетъ еще 400 милл. на настлжку рельсовъ? Разрѣшить этотъ финансовый вопросъ не трудно. Нынѣ важное дѣло занимаетъ парижскую биржу. (Слушайте!) Между однимъ знаменитымъ банкиромъ и дру-

гими банкирами, съ одной стороны, и сборщиками податей, съ другой, возникло соперничество. (Волненіе.) Если правительство воспользуется искуснымъ образомъ этимъ раздоромъ, то оно можетъ изъ того извлечь для своего займа большія выгоды. — Затѣмъ измѣненіе г. Готье де Рюмилли, предлагающаго назначить 62 милл. на настлжку рельсовъ на всемъ протяженіи дороги отъ Парижа до Ліона, подвергнуто было балатировкѣ. Первая была сомнительна. (Шумъ, волненіе.) Вторая балатировка объявлена была равномѣрно сомнительною. (Новый шумъ, новое волненіе.) Приступлено было къ тайному собранію голосовъ. Число подавшихъ голоса было 275; въ пользу измѣненія оказалось 138, противъ него 137 гол. Итакъ, оно принято большинствомъ одного только голоса, и такимъ образомъ Палата находится въ противорѣчьи сама съ собою.

Предположеніе, заключавшееся въ министерскихъ газетахъ, что съ первымъ сраженіемъ Мароккцевъ съ Французами кончилась война, не подтвердилось. Уже было второе сраженіе, въ которомъ участвовалъ самъ маршалъ Бюжо. Колонна, состоящая изъ 4 батальоновъ, отряда конницы и полубатареи, подъ его начальствомъ, выступила 7 Юня изъ Орана и безрешительно достигла Иссера. 10-го числа покинула она свои бивуаки на Иссерѣ и прямо направилась къ лагерю Лалла Маграни, гдѣ, какъ извѣстно, находилась дивизія генералъ-лейтенанта Ламорисьера. Дѣйствующія колонны, подъ командою генералъ-майоровъ Тампура и Бедо, явились равномѣрно на мароккской границѣ и вступили въ соединеніе съ означенной дивизіей. Въ Оранѣ формируется, по повелѣнію генералъ-губернатора, новая колонна изъ 3 ротъ иностраннаго легіона и разныхъ другихъ войскъ, которая немедленно двинется къ границамъ. Въ Тлемсенѣ 10-го числа послыся слухъ, что мароккскій императоръ расположенъ доставить Франціи полное удовлетвореніе; впрочемъ, вѣрнаго о томъ ничего не могли узнать: отправленный оттуда въ Тангеръ не долго передъ тѣмъ парохоль «Vautour» еще не возвращался. Болѣе вѣры заслуживало тамъ извѣстіе, что священная война въ Марокко уже объявлена, и очень сомнѣвались, чтобы султану Абдеррахману удалось возстановить спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ, если бы даже онъ и желалъ того. Говорятъ также, что жители мароккскаго города Удты, страшась французскихъ войскъ, покинули уже свои жилища. Нѣкоторые утверждали, сверхъ того, что мароккскій главнокомандующій, который первый напалъ на дивизію Ламорисьера, взятъ подъ стражу, по повелѣнію им-

ператора; но другіе, напротив, опровергали какъ этотъ слухъ, такъ и прочіе, носившіеся въ Тлемсепъ. Вотъ все, что содержатъ въ себѣ послѣдніе извѣстія изъ Орана по 12 Іюня, сообщаемыя въ полученныхъ изъ Тулона газетахъ. Въ одно время съ ними получена по телеграфу изъ лагеря при Лалла Магрини слѣдующая депеша маршала Бюжо военному министру отъ 16 Іюня: «Вчера, среди переговоровъ съ главнокомандующимъ мароккскою арміею, войска его, состоящая изъ 5,000 чел. конницы, открыли въ насъ огонь и ранили одного офицера и двухъ солдатъ, безъ всякой съ нашей стороны перестрѣлки. Переговоры были прерваны, и послѣдовало нападеніе на генераловъ *Ламорисьера* и *Бедо*. Я присоединился къ нимъ, началъ дѣйствовать наступательно, убилъ у неприятеля отъ 3 до 400 чел., которые остались въ нашей власти. Никогда наказаніе не было болѣе заслужено. Съ нашей стороны было 6 чел. убитыхъ и 20 раненныхъ.» Можно почти подумать, что эта депеша прикрываетъ пораженіе генераловъ *Ламорисьера* и *Бедо*, потому-что въ ней ничего не сказано о результатѣ нападенія на нихъ мароккскихъ войскъ, до прибытія генералъ-губернатора съ своей колонной. Впрочемъ, маршалъ могъ подоспѣть вовремя на поле битвы для перемѣны оборонительнаго положенія нашихъ войскъ въ наступательное, и для отраженія коварнаго врага, котораго образъ дѣйствія напоминаетъ Афгановъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ такого событія, вооруженія противъ Марокко должны быть производимы съ болѣею успѣшностію, нежели какъ было доселѣ, и отправка экспедиціи изъ Тулона по возможности ускорена. Принцъ жоанвильскій прибылъ туда 20-го числа утромъ и въ полдень переѣхалъ на корабль *Suffren*, на которомъ развѣвается адмиральскій флагъ. Изъ военныхъ магазиновъ отпущено въ распоряженіе морскаго вѣдомства 80 большихъ палатокъ, въ которыхъ можетъ помѣститься по 16 человекъ, 1,200 касокъ и другихъ предметовъ для морской артиллеріи и пѣхоты, взятые принцемъ на корабль своей дивизіи. Изъ Сетты прибывши на пароходѣ 2 инженерныя роты, должностующія пополнить десантное войско. Полагаютъ, что эскадра выйдетъ въ море 21 числа. Попутный вѣтеръ благопріятствуетъ ея отплытію.

Иностранная Словесность.

ЛЮБОВНЫЯ ПИСЬМА.

повѣсть ЛОЕНА-ГОЗЛАНА.

Путешественникъ, посѣщавшій берега Бретани, легко можетъ представить себѣ замокъ, гдѣ разыгрывалась комедія, которую мы хотимъ рассказать.

Передъ этимъ замкомъ, построеннымъ на берегу моря, стоялъ Буске — слуга, дворникъ, кучеръ, а подчасъ и матросъ, господина Иларіона.

— Посмотримъ, такъ ли я исполнилъ порученія господина Иларіона и мадемоазель Адрианы, говорилъ Буске съ самимъ-собою. Купить табуку для господина; сходить къ оружейному мастеру за ружьемъ для мадемоазели, да ей же еще принести фунта два дробы, да фунтъ пороху. Вотъ ружье; въ этомъ карманѣ порохъ, а въ этомъ дробь; вотъ и табакъ. Ну, ладно; а то живучи съ господиномъ Иларіономъ, того и смотри, что потеряешь память. Вотъ хоть напримѣръ, нынче утромъ, простоялъ цѣлую четверть часа, съ табакеркою въ рукахъ, и на-силу сказалъ, чтобы я купилъ ему табуку. Въ иной разъ, онъ забудетъ позавтракать, а иногда забудетъ лечь спать... Однако я заболтался и забылъ, что меня ждуть.

Буске намѣревался идти, чтобы отдать отчетъ во всѣхъ, возложенныхъ на него, порученіяхъ; но, въ эту минуту его схватила рука, которая принадлежала одной женщинѣ лѣтъ пятидесяти-двухъ.

— Скажи, мой другъ, есть какія-нибудь извѣстія объ немъ?

— Извѣстія! о комъ это? спросилъ Буске, вытаращивъ глаза, словно птица на пугало, поставленное въ огородѣ.

— И ты спрашиваешь меня объ этомъ, мой другъ! Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, какъ я хожу сюда и все справляюсь объ немъ.

— Двадцать лѣтъ!

— Да, ужъ двадцать лѣтъ, какъ я каждый годъ прихожу въ этотъ замокъ, чтобы узнать, скоро ли онъ возвратится.

— Возвратится!

— Видно, мой другъ, ты недавно здѣсь?

— Я въ услуженіи у господина Иларіона не больше двухъ мѣсяцевъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты не можешь сказать мнѣ ничего, со вздохомъ замѣтила старая дѣва. Все то же молчаніе, та же безвѣстность! А гдѣ твой хозяинъ, господинъ Иларіонъ?

— Онъ еще спитъ.

— Скажи ему, мой другъ, что мадемоазель д'Аркейлъ, вѣрная своему обыкновенію, была въ замкѣ, и опять придетъ нынче. Слышишь?

Буске слышала очень хорошо, но не понимала ничего.

— Слушаю, сударыня, отвѣчалъ онъ, не премину сказать. Если только мой господинъ, подумалъ онъ, не забудетъ нынче встать.

— Возьми это, мой другъ, прибавила старая дѣва, и помни, что ты окажешь услугу мадемоазель д'Аркейлъ.

— Благодарю за честь, отвѣчалъ Буске, принимая золотую монету.

— Ужъ двадцать лѣтъ! двадцать лѣтъ! бормотала старая дѣва, удаляясь отъ замка.

— Вотъ что! бормотала въ свою очередь Буске: чего же добивается она тутъ двадцать лѣтъ? Она говорила о чьемъ-то отсутствіи, о чьемъ-то возвращеніи; да отсюда никто не уѣзжалъ, и мы никого не ожидаемъ. Но пойдемъ, отдадимъ отчетъ господину Иларіону и мадемоазель Адрианѣ.

Но другое препятствіе того же пола, какъ и первое снова остановило Буске.

— Наконецъ, онъ пріѣхалъ? а? сказала какая-то женщина, двумя или тремя годами постарше первой.

— Ладно, еще одна!

— Я спрашиваю тебя: пріѣхалъ онъ? Или ты глухъ?

— Рѣшительно, тутъ какая-то штука, подумалъ Буске: не дамъ же я промаха. — Нѣтъ, сударыня, онъ еще не пріѣхалъ.

— Не знаешь ли, скоро ли онъ пріѣдетъ?

— Мы ждемъ его.

— Ждете! когда?

— Нынѣшній день.

— Какая радость! Послѣ двадцати-лѣтней разлуки!

— А! подумалъ Буске, и эта ждетъ тоже двадцать лѣтъ.

— Ты чрезвычайно обрадовалъ меня. Онъ здѣсь сойдетъ съ корабля?

— Разумѣется.

— А далеко ли еще корабль?

— Черезъ полчаса, онъ броситъ якорь въ бухтѣ замка. Онъ былъ бы уже здѣсь, если бы не такая погода.

— Черезъ полчаса я увижу его. Я первая брошусь въ его объятія. Счастливая Зоя!

Буске подумалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ сумасшедшею.

— Вѣрно, онъ вашъ сынъ, сказалъ онъ: вы ждете его съ такимъ нетерпѣніемъ.

Мадемоазель Зоя поблѣднѣла.

— Мой сынъ!

— Либо внукъ, возразилъ Буске.

Разгнѣванная Зоя дала Буске пощечину.

— Вотъ тебѣ за твою глупость, закричала она.

Послѣ этого она пошла прочь отъ замка, повторяя про себя: Послѣ двадцатилѣтней разлуки! послѣ двадцатилѣтней разлуки!

— Пощечина! пяти-франковая монета! хотѣлось бы мнѣ узнать тутъ что-нибудь. Обѣ ожидаютъ кого-то двадцать лѣтъ, и каждый годъ обѣ приходятъ сюда. Это что-то необыкновенное. Перескажу все господину Иларіону и мадемоазель Адрианѣ.

Буске не нужно было оставлять своего мѣста, потому-что господинъ Иларіонъ и мадемоазель Адриана сошли, въ это время, съ лѣстницы павильона и приближались къ нему.

— Вы встрѣтили, сказалъ онъ имъ, одну даму, въ шляпкѣ?...

— Нѣтъ, отвѣчала Адриана.

— А другую даму, что въ какомъ-то платьѣ....

— Что такое? одна дама, другая дама! шляпка, платье!

— Одна сказала мнѣ: Возвратился ли онъ? Я отвѣчалъ: нѣтъ, и она дала мнѣ пяти-франковую монету. Другая сказала мнѣ: Пріѣхалъ ли онъ? Я отвѣчалъ: да, и она дала мнѣ пощечину.

Наконецъ эта болтовня затронула вниманіе господина Иларіона.

— Ты, кажется, хватилъ немного прохладительнаго, сказалъ онъ.

— Не думаю, отвѣчалъ Буске. Впрочемъ, эти дамы придутъ къ вамъ нынче; вы сами увидите ихъ.

— Хорошо, произнесла Адриана, оставь насъ.

— Вотъ ваша табакерка, господинъ Иларіонъ, сказалъ Буске, не трогаясь съ мѣста.

— Я приказалъ тебѣ купить табуку?

— Вы его и нюхаете теперь, отвѣчалъ Буске со смѣхомъ.

— А! въ самомъ дѣлѣ; я и забылъ. Ступай.

— Вотъ память! проговорилъ Буске, удаляясь: вотъ память! — Не еще ли женщина? вскрикнулъ онъ, наткнувшись на молодого человѣка, который только что вышелъ изъ алькова: какъ вы испугали меня, господинъ Анатолю.

— Господинъ Иларіонъ, сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ хозяину: я объяснилъ вамъ сейчасъ, что нашъ фрегатъ сначала отправится въ Мексиканскій заливъ, гдѣ простоятъ полтора года.

Сердце Адрианы сильно забилось.

— Полтора года! слышите, господинъ Иларіонъ?

— Оттуда, продолжалъ Анатолю, онъ пойдетъ на стоянку въ Антильскій архипелагъ, и пробудетъ тамъ два года.

— Два года! повторила Адриана.

— Потомъ....

— Еще не все, Анатолю.

— Нѣтъ, Адриана. Послѣ этой стоянки, мы спустимся къ Бразиліи, гдѣ наше пребываніе продолжится шесть мѣсяцевъ; потомъ, обогнувъ мысъ Горнъ, мы поплывемъ въ Тихій океанъ и пристанемъ къ берегамъ Калифорніи.

— Но послѣ этого, наша разлука продолжится четыре года; думаете ли вы объ этомъ, Анатолю?

— Одинъ годъ на обратное путешествіе въ Европу. Адриана потеряла терпѣніе.

— Пятилѣтнее путешествіе, господинъ Иларіонъ! вскричала она: пятилѣтнее путешествіе, и Анатолю оставить насъ нынѣшній день!

— Быть-можетъ, черезъ часъ, прибавилъ Анатолю. Нашъ фрегатъ тотчасъ выйдетъ изъ пристани, какъ скоро стихнетъ эта ужасная буря, которая поднялась въ прошлую ночь.

— Между-тѣмъ, господинъ Иларіонъ, сказала Адриана съ горькимъ упрекомъ: вы можете избавить Анатолю отъ этого путешествія; стоитъ только освободить его изъ службы.

— Еще разъ, спокойно отвѣчалъ господинъ Иларіонъ; ты ошибаешься, Адриана, ошибаешься; не въ моей власти остановить моего племянника Анатоля.

Молодая Бретанка ни мало не была увѣрена въ этомъ.

— Вы замѣнили намъ обонь отца, возразила она; почему вамъ не сдѣлать еще добраго дѣла: не разлучать двухъ друзей дѣтства, двухъ....

Добродушная физіономія господина Иларіона засіяла улыбною.

— Доканчивай, сказалъ онъ.

И Адриана окончила свою мысль:

— Ужели вы не пожалѣете человѣка, который всегда управлялъ вашимъ имѣніемъ съ такимъ усердіемъ и съ такою способностію?

— Я не желалъ бы, возразилъ Анатолю, чтобы эта причина заставила моего дядюшку сдѣлать для меня слишкомъ большое пожертвованіе. Впрочемъ, ужъ поздно.

— Пожертвованіе! Но чтобы освободиться отъ этой службы, вамъ нужно только четыре тысячи франковъ. Будьте такъ добры, господинъ Иларіонъ, ссудите его этими деньгами; тогда онъ останется при васъ; въ вашемъ замкѣ будетъ вѣрный и умный управитель. Что значать для васъ четыре тысячи франковъ, когда вы столько издерживаете для меня? а я не дочь ваша, и не племянница, ровно ничто. Дайте ему эту сумму....

Молодые люди ожидали отвѣта господина Иларіона, который наконецъ сказалъ:

— Я желалъ бы этого отъ всего сердца.

— Вы можете сдѣлать это.... Что препятствуетъ вамъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, что препятствуетъ мнѣ? разсѣянно повторилъ старый Иларіонъ, повертывая между пальцами свою табакерку: въ самомъ дѣлѣ, что препятствуетъ мнѣ?

— Ничто, сказала Адриана.

— Ты думаешь, возразилъ старикъ, нерѣшительнымъ тономъ.

— Вы самый богатый помѣщикъ въ нашемъ де-

партаментъ. Кто не знаетъ, что у васъ положено въ банкъ болѣе двухъ милліоновъ франковъ; что вы владеете цѣлою улицою въ Брестѣ; что эта деревня на берегу моря, и эти мануфактуры, и этотъ замокъ принадлежатъ вамъ? И вы еще отказываете въ четырехъ тысячахъ франковъ вашему племяннику, который будетъ со временемъ наследникомъ всего вашего огромнаго богатства.

Иларіонъ открылъ табакерку и внимательно, разсматривая одинъ изъ находившихся тамъ клочковъ бѣлой бумаги, сказалъ:

— Вчера ты спрашивала меня объ этомъ, и я не отвѣчалъ тебѣ; но я вспомнилъ твой вопросъ, и отыскалъ отвѣтъ. Чтобы не потерять его въ другой разъ, я положилъ одну замѣтку въ свою табакерку. Слушай....

Господинъ Иларіонъ началъ искать чего-то въ своей табакеркѣ и продолжалъ:

— Здѣсь такъ много замѣтокъ.... Посмотримъ, которая.... А! да, теперь я знаю, почему мнѣ нельзя согласиться на твою просьбу за Анатоля: у меня нѣтъ ничего, рѣшительно ничего. Эти милліоны, это имѣніе, эти мануфактуры, этотъ замокъ, — все это принадлежитъ не мнѣ.

— Что я слышу? вскричалъ Анатолю.

— Кому же? спросила Адриана.

— Другому, спокойно отвѣчалъ Иларіонъ. Все это принадлежитъ другому. Ахъ, бѣдный молодой человѣкъ! развѣ я никогда не говорилъ тебѣ объ этомъ? А ты надѣялся быть милліонщикомъ послѣ моей смерти?

— О! не думайте, дядюшка, что я за себя печалюсь объ вашей потерѣ....

— Я думалъ, что ты уже давно знаешь объ этомъ, продолжалъ Иларіонъ съ тѣмъ же спокойствіемъ. Это невѣроятно! У меня и прежде была плохая память; но съ-тѣхъ-поръ, какъ я началъ усовершенствовать ее по мнемонической системѣ Роберта, я потерялъ и послѣднюю. Знайте, что настоящій владѣтель всего этого богатства.... Но что это? Прислушайтесь.

— Кажется, вдали слышны пушечные выстрѣлы, сказала Адриана.

— Да, да.... это пушечные выстрѣлы.... Неправда ли, Анатолю?

— Быть-можетъ, нашъ фрегатъ снимается съ якоря и призываетъ экипажъ на бортъ.

— Такъ скоро! со вздохомъ произнесла Адриана.

— Сходи, узнай, что это такое, и послѣ скажешь намъ, замѣтилъ Иларіонъ.

— Я возвращусь къ вамъ проститься.

— Проститесь! проговорила Адриана, бросивъ упрекающій взоръ на Иларіона, который началъ объяснять ей, почему его милліоны не принадлежатъ ему.

— О чемъ мы говорили? холодно спросилъ онъ Бретанку.

— Вы говорили, что это богатство, которое я считала вашимъ, принадлежитъ не вамъ, а другому....

— Вспомнилъ! Ты безъ сомнѣнія слышала о Маркѣ Бодри?

— Кто не знаетъ въ Брестѣ Марка Бодри? Его богатство вошло въ пословицу.

— Онъ былъ еще надменнѣе, еще глупѣе въ своей молодости.... о комъ я говорю?... что я! Я былъ гордъ?..

— Но для чего вы говорите мнѣ о господинѣ Бодри, когда я говорю вамъ объ Анатолю?

— Развѣ ты не хочешь узнать, почему все это богатство принадлежитъ не мнѣ?

— Говорите, сказала дѣвушка съ самоотверженіемъ.

— Мы съ Бодри жили въ Брестѣ, какъ два родные брата, назадъ тому десять.... пятнадцать.... пятнадцать.... осмнадцать.... двадцать.... двадцать-пять....

тридцать.... тридцать лѣтъ. Ему было тогда двадцать-четыре года, а мнѣ тридцать-пять лѣтъ. Видишь, онъ теперь ужъ не слишкомъ молодъ. Мы любили пошеговать; Бодри былъ гордъ и задавалъ тонъ. Я не стану рассказывать того, что онъ дѣлалъ во время своей молодости, во-первыхъ, потому, что я не помню ничего; но чего я не забылъ.... чего не забылъ еще.... Чортъ возьми! я боюсь забыть, чего я не забылъ.

— Но Анатолю собирается вѣхать, прервала Адриана: если бы вмѣсто того, чтобы говорить объ этомъ господинѣ Бодри, которымъ, признаюсь вамъ, я не слишкомъ интересуюсь, вы подумали объ Анатолю, объ одномъ Анатолю!

— Однимъ словомъ, прервалъ Иларіонъ, я не могу ничего для него сдѣлать. Бодри, напротивъ, о которомъ я говорилъ тебѣ, — онъ богатъ и столько же благороденъ, сколько и глупъ, если онъ не перемѣнилъ своего характера, — этотъ Бодри могъ бы ссудить и не четырьмя тысячами франковъ; онъ далъ бы Анатолю двадцать-тысячъ, тридцать-тысячъ франковъ. Это было его блаженство расточать день-

ги, обшаня, подарки... Какъ любили его женщины!

— О! почему его нѣтъ здѣсь! сказала Адриана. Гдѣ онъ теперь?

— Все въ Индіи. Онъ тамъ живетъ двадцать лѣтъ, если только онъ живъ теперь. Десять лѣтъ я не получалъ отъ него писемъ. Я говорилъ тебѣ, что двадцать лѣтъ тому, какъ одна любовная интрига принудила его оставить Брестъ.

— Вы еще не говорили объ этомъ, господинъ Иларіонъ.

— А я думалъ.... Когда я говорю объ одной любовной интригѣ, я разумѣю три интриги. Какъ бы припомнить!... По методу господина Роберта, для того, чтобы припомнить какую-нибудь вещь, надо вспомнить что-нибудь подобное, то есть, не имѣя памяти, всего лучше имѣть ихъ двѣ.

Между-тѣмъ-какъ господинъ Иларіонъ старался припомнить бывшее, со двора послышался крикъ:

— Господинъ Иларіонъ! господинъ Иларіонъ!

— Это голосъ Буске, сказалъ Иларіонъ.

Буске приблизился съ испуганнымъ видомъ.

— Ахъ! господинъ Иларіонъ! ахъ! мадемоазель Адриана!

— Что такое? спросила Адриана. Что значить это восклицаніе?

— Пушечные выстрѣлы, которые вы слышали, отвѣчалъ Буске.... это корабль, безъ парусовъ, безъ мачтъ; его прибило къ берегу; онъ разобьется, если никто не поможетъ ему войти въ бухту замка.

— Скажи поскорѣе людямъ, вскричала Адриана, чтобы взяли лодки, привязанныя въ концѣ парка и отправились на помощь этому кораблю. Ступай.

— Хорошо, отвѣчалъ Буске, собравшись идти.

— Буске! Буске! закричалъ Иларіонъ.

— Что вамъ угодно, господинъ Иларіонъ? спросилъ Буске, остановившись.

— Мнѣ надо сказать кое-что тебѣ. Подожди.

— Я знаю, господинъ Иларіонъ, это на счетъ сахара. Все сдѣлано.

Господинъ Иларіонъ вынулъ изъ кармана табакерку, и посмотрѣвъ на нее со вниманіемъ, сказалъ: Это не та. Потомъ онъ вынулъ другую табакерку и сказалъ еще: И это не та.... А, вспомнилъ, прибавилъ онъ. Чтобы не забыть, что я долженъ сказать тебѣ, я завязалъ узелокъ на моемъ платкѣ.

— Не безпокойтесь, прервалъ Буске, я тоже вспомнилъ. Вы хотѣли приказать мнѣ, чтобы я купилъ рыболовную лѣсу.

— Вотъ нѣсколько узелковъ, сказалъ Иларіонъ, вытащивъ изъ кармана платокъ, весь въ узлахъ,—вотъ и тотъ, что я ишу.... но для чего я завязалъ его?

Адриана сгорала отъ нетерпѣнія.

— Этотъ корабль гибнетъ! вскричала она. Вы вспомните въ другое время.... Бѣги Буске поскорѣе прикажи подать помощь этимъ несчастнымъ.

Буске наконецъ удалился, а господинъ Иларіонъ продолжалъ разсуждать:

— Однако для чего-нибудь я завязалъ же этотъ узелъ. О чемъ мы говорили, Адриана?

— Я сама не знаю, отвѣчала Адриана: меня тревожитъ участь этихъ бѣдныхъ людей, которые, быть можетъ, утонутъ.

— Мы говорили о твоей матери.

— О моей матери? вы знали мою мать, господинъ Иларіонъ? она умерла въ молодости, въ мои лѣта... Скажите мнѣ объ ней...

— Что у меня за голова, нынче утромъ? Вѣдь, мы говорили о Бодри,

— Все этотъ Бодри!

— Бодри, продолжалъ Иларіонъ,—мы остановились на разсказѣ о его любви, — Бодри любилъ пламенно одну прекрасную дѣвушку; впрочемъ, онъ никогда и не любилъ иначе. На этотъ разъ, его страсть приняла серьезный характеръ, и ему отвѣчали, только подъ условіемъ брака. Все шло по желанію, не было ни одного препятствія къ этому союзу, хотя дѣвушка была не такъ богата и доходы моего друга уменьшились до десяти-тысячъ фраковъ. Но въ ту минуту, какъ готовились къ свадьбѣ, какой-то господинъ Аркъ.... Аркъ.... Аркъ-анъ-Сель.... не то.... Аркебузъ.... не такъ.... Аркейлъ приходитъ къ Бодри и говоритъ ему: вы женитесь на моей сестрѣ Вероникѣ де-ла-Туръ-д'Аркейлъ, или мы будемъ драться. Что такое было у Бодри съ Вероникою?... я теперь не могу вспомнить. Но это не важно! Бодри дрался съ господиномъ Аркейлемъ и ранилъ его очень опасно.

— И тогда, прервала Адриана, онъ могъ жениться на первой изъ этихъ двухъ дѣвушекъ, которая называлась?...

— Которая называлась, повторилъ Иларіонъ.... Я не сказалъ тебѣ ея имени? А я думалъ, что сказалъ;

она называлась.... Клянусь, забылъ.... рѣшительно забылъ. Но дѣло въ томъ, что онъ не женился на ней; за нѣсколько дней до свадьбы, третья женщина, по имени Хлоя, Аглая или Зоя, которую любилъ или нѣтъ Бодри, не знаю, но которой, безъ сомнѣнія, онъ далъ такія же обшаня, какъ и Вероникѣ де-ла-Туръ-д'Аркейлъ, подкараулила первую, ту, имя которой я забылъ, и выстрѣлила въ нее изъ пистолета.

— И убила ее?

— Нѣтъ, но такъ напугала ее, что та прохворала три года и потомъ умерла. А мой другъ Бодри, послѣ своей дуэли, выстрѣла и тысячи другихъ проказъ, долженъ былъ оставить Францію.

Въ это время опять послышался голосъ слуги:

— Господинъ Иларіонъ! господинъ Иларіонъ!

— Это Буске, замѣтила Адриана: онъ скажетъ намъ, что стало съ кораблемъ.

Первыя слова Буске были:

— Корабль погибъ!

— Погибъ?

— Да, потому-что ни слуга замка, ни рыболовы не осмѣлились пуститься въ море, чтобы подать помощь кораблю: море такъ разбушевалось теперь. Несчастный корабль!

— Бѣдные путешественники! съ горестію произнесла Адриана.

— Онъ недалеко отъ подводныхъ камней, окружающихъ замокъ, продолжалъ Буске. Бѣдные! если вы видѣли ихъ! Они просятъ нашей помощи, кричатъ, протягиваютъ къ намъ руки, машутъ обрывками парусовъ. А я забылъ, я растерялся.... Они бросили въ море боченокъ, который волны выбросили на берегъ. Въ этомъ боченкѣ нашли письмо.

— Письмо, сказала Адриана, въ которомъ, безъ сомнѣнія, они умоляютъ о помощи.

— Господинъ меръ прочиталъ его съ большимъ изумленіемъ и сказалъ, что оно подписано какимъ-то нашимъ землякомъ.

— И никто не хочетъ помочь несчастнымъ?

— Никто, мадемоазель.

— Я спасу ихъ, сказалъ Анатолий, подошедшій въ эту минуту съ смущеннымъ видомъ: или я умру. Прощай, Адриана! прощайте, господинъ Иларіонъ.

Анатолий сбросилъ свою шляпу, поцѣловалъ руку Адрианы и готовился бѣжать на берегъ.

— Не ходите, другъ мой; вы идете на смерть.

— Прости, Адриана!

Анатолий скрылся изъ вида.

— Теперь, спокойно началъ господинъ Иларіонъ: я докончу исторію нашего пріятели Бодри.

— Въ другой разъ, въ другой разъ, отвѣчала Адриана.

— Какъ ты легкомысленна; но въ другой разъ я не вспомню объ этомъ. Итакъ, мой другъ Бодри уѣхалъ въ Индію, гдѣ онъ живетъ двадцать лѣтъ.

— Боже мой, сохрани его! проговорила Адриана.

— Въ десять лѣтъ Бодри нажилъ такое состояніе, что сталъ богаче самыхъ извѣстныхъ капиталистовъ той страны, и въ эти десять лѣтъ неслыханнаго счастья, я управлялъ его оборотами во Франціи и прибрѣлъ ему эти дома, мануфактуры, замокъ....

— Я не могу оставаться здѣсь болѣе, сказала Адриана, не слушая разсказа старика: я пойду узнать, что тамъ дѣлается....

— Но съ-тѣхъ-поръ я не получалъ отъ Бодри никакого извѣстія: живъ ли онъ, или умеръ.

— А! вотъ Буске! говори! спасены они? Что Анатолий?

— Ахъ, если бы вы видѣли, мадемоазель! Онъ бросился въ лодку, переправился черезъ подводные камни, не смотря на вѣтеръ и на ужасныя волны, доплылъ до корабля и подаль на бортъ одинъ конецъ веревки, которая была привязана другимъ концемъ къ берегу. Если этотъ канатъ не лопнетъ, всѣ будутъ спасены, а если лопнетъ, тогда поминай, какъ звали!

— И Анатолий съ ними! Боже, сохрани его!

— Надо надѣяться, прибавилъ Буске, что небо сжалятся хоть надъ этими милліонами, что на кораблѣ.

Слово милліонъ подѣйствовало на старика.

— Милліоны!... Что? Что ты говоришь, Буске?

— Вы не знаете еще, что было написано въ этомъ письмѣ, найденномъ въ боченкѣ....

— Ну что?

— Что? Писалъ-то его господинъ Бодри.

— Бодри прибылъ на этомъ кораблѣ?

— Да, милліонщикъ Бодри.

— Бодри, мой старинный, задушевный другъ, погибаетъ.

— Пойдемте вмѣстѣ на берегъ, сказала Адриана, уловивъ эту минуту, когда у старика блеснуло чувство,—пойдемте, объявите, что вы дадите сто-тысячъ франковъ тому, кто спасетъ несчастныхъ.

— Прежде надо подумать об этом, отвечал Иларіонъ, надо все припомнить. Быть-можетъ, это не Бодри. Что было писано въ его послѣднемъ письмѣ?

Адриана потеряла терпѣніе.

— Вы мучите меня... вы такъ равнодушны! Уже ли вы не слышите этого шума, этихъ криковъ!... Требуютъ помощи... пойдѣте.

— Не туда пошла, глупенькая! Ты не слышишь меня? Адриана! Адриана!

Между-тѣмъ, какъ Адриана сходила съ террасы, Бодри, одѣтый по модѣ времени директоріи, явился вмѣстѣ съ Анатодемъ.

— Гдѣ, гдѣ мой любезный Иларіонъ?

— Я здѣсь! Уже ли это Бодри?

— Уже ли это Иларіонъ? Какъ онъ постарѣлъ, прибавилъ про себя Бодри.

— Я никогда не узналъ бы тебя, Бодри.

— Потому-что я помолодѣлъ. Позволь обнять тебя еще разъ. Вотъ мой спаситель, прибавилъ Бодри, указывая на Анатоля.

— Это господинъ Анатоля, управляющій твоимъ замкомъ.

— Вы и останетесь здѣсь, мой молодой другъ. Иларіонъ, дай ему жалованье, какого онъ потребуешь, и каждый годъ оно будетъ удваиваться.

— Благодарю васъ; но я не могу воспользоваться вашимъ великодушіемъ.

— Почему такъ?

— На томъ фрегатѣ, который вы могли замѣтить въ рейдѣ, я долженъ, нынѣшній же день, отправиться на пять лѣтъ въ море, какъ скоро настанетъ хорошая погода.

— Что принуждаетъ васъ оставить замокъ?

— Военная служба.

Бодри обратился къ Иларіону.

— И ты не освободилъ этого молодаго человѣка?

— Я не зналъ, отвечалъ Иларіонъ, можно ли употребить на это твои деньги.

— Какъ, ты сомнѣвался!... Эти честные люди не имѣютъ сердца... Вы не уѣдете отсюда; вы останетесь въ замкѣ; эта буря продолжится по-крайней-мѣрѣ до вечера, и я боюсь объ закладъ, что вы будете свободны. Я желаю доставить счастье своему избавителю.

— И доставите его двумъ, сказалъ тронутый Анатоля.

— Конечно, вамъ и вашей матери.

— Нѣтъ, господинъ Бодри.

— Понимаю. Любовь, взаимная любовь. Прекрасно.

Любите, молодые люди, любите. Такъ бывало и съ нами, Иларіонъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не могъ бы лучше доказать мою признательность. Ступайте, подѣлитесь вашимъ счастьемъ и возвратитесь сюда.

— Мнѣ недалеко идти, отвечалъ Анатоля.

Когда онъ удалился, Бодри обратился къ Иларіону.

— Любезный Иларіонъ!

— Любезный Бодри! Теперь я не боюсь умереть, не видѣвшись съ тобою.

— Умереть! Развѣ ты боленъ, Иларіонъ?

— Нѣтъ; но лѣта.

— Что такое лѣта?

— Лѣта... то есть, годы. Въ Индіи не знаютъ, что такое лѣта?

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Да, поговоримъ объ нашихъ интересахъ; я старался объ нихъ, какъ-будто о своихъ собственныхъ. Во-первыхъ, твои доходы возрали...

— Въ Фейдо все еще играютъ *Багдадскаго Калифа*? спросилъ Бодри, поправляя свое жабо.

— *Багдадскаго Калифа*! отвечалъ Иларіонъ съ бессмысленнымъ видомъ фурьериста, который мечталъ создать новый миръ и увидѣлъ, что земля произвела одинъ латукъ. *Багдадскій Калифъ*!... Фейдо... Что ты говоришь?

— Да, *Багдадскій Калифъ* или *Алина, королева Голконды*...

— Твои вопросы удивляютъ меня.

— Бѣдный Иларіонъ, ты, видно, не выѣзжаешь изъ своего помѣстья?

Эти слова задѣли Иларіона за живое.

— Я выѣзжаю, даже очень часто, и все для твоихъ интересовъ. Вчера еще я былъ въ Брестѣ, чтобы купить акціи, на четыреста-тысячъ франковъ въ ловлѣ китовъ, и на двѣсти-тысячъ франковъ въ ловлѣ семги.

Бодри захохоталъ.

— Убирайся съ твоими китами и твоею семгою. Ты сбѣжалъ изъ меня какого-то негодяя.

— Развѣ ты не былъ негодяемъ въ Индіи?

— Я! я былъ главнымъ портнымъ императора Акбара I, въ Дели. Тогда-какъ французскіе генералы

обучали императорскія войска европейской дисциплинѣ, я одѣвалъ народъ по французской модѣ, въ современномъ вкусѣ.

— И одѣвалъ его такъ? простодушно спросилъ Иларіонъ, указывая на костюмъ Бодри.

— Рѣшительно, какъ одѣвался я самъ въ послѣдніе годы директоріи и первые годы консульства: замшевые панталоны, сапоги à la Суворовъ, галстухъ à la Клеберъ. Я подозреваю, что во Франціи это измѣнилось немножко.

Иларіонъ захохоталъ въ свою очередь.

— Немножко, мой любезный Бодри. Но перейдемъ, пожалуйста, къ твоимъ интересамъ.

— Да, поговоримъ о причинѣ, которая привела меня во Францію, въ мою милую Бретань; поговоримъ о томъ, что извѣстно тебѣ.

— Извѣстно мнѣ?

— Да, и поговоримъ, какъ слѣдуетъ.

— Поговоримъ, какъ слѣдуетъ! Но мнѣ не слишкомъ извѣстно, что такое извѣстно мнѣ.

— Тебѣ немного измѣняетъ память? Вспомни, что, одиннадцать лѣтъ тому, я писалъ тебѣ о своемъ намѣреніи возвратиться во Францію, чтобы жениться. Теперь я здѣсь.

— Одиннадцать лѣтъ... А, да! Но ты отказался отъ союза?

— Отказался! Нѣтъ, Иларіонъ! Я женюсь и поселюсь здѣсь на житье. — Бодри подумалъ про себя: онъ не говоритъ мнѣ объ Адрианѣ, то есть, онъ готовитъ мнѣ сюрпризъ; поддадимся на минуту. И принявъ довѣрчивый видъ, онъ продолжалъ: Пересмотримъ, Иларіонъ, всѣхъ, кого я любилъ отъ всего сердца, и сбѣлаемъ выборъ. Той, которая не забыла меня, я отдамъ мое имя, мою руку и шесть милліоновъ франковъ. Помнишь ли ты, Иларіонъ, меланхолическую Кларису?

— Нѣтъ.

— Какъ, ты забылъ Кларису Мартенъ, которая...

— Мартенъ, которая... Иларіонъ вытащилъ свой платокъ и началъ вертѣть его, внимательно разсматривая всѣ узелки.

— Тебѣ надо сказать все, снова началъ нетерпѣливый Бодри: это Клариса Мартенъ, которая любила меня до того, что хотѣла утопиться.

Какой-то полусвѣтъ озарилъ память Иларіона.

— А! да, это та, за которую мы спорили въ Брестѣ.

— Ты смѣшиваешь: у насъ былъ споръ за Юлію Котаръ, спустя четыре года. Кстати, что стало съ этой рѣзвухой, съ маленькими ножками и руками и съ розовымъ личикомъ?

— Она ужъ съ осмымъ, отвечалъ Иларіонъ.

— Съ осмымъ? Любовникомъ?

— Ребенкомъ. Что тутъ удивительнаго послѣ шестнадцати лѣтъ замужества? Это даетъ по одной половинѣ ребенка на годъ.

— Прозаическая Юлія!

— Ты воображаешь, что ты только вчера оставилъ Францію?

Бодри не слышалъ послѣднихъ словъ Иларіона и думалъ: завѣдемъ теперь рѣчь объ Адрианѣ; для этого надо вспомнить о двухъ прелестныхъ женщинахъ, которыя, по моей глупости, сбѣлались соперницами Адрианы.

— Иларіонъ!

— Что?

— Мадемоазель Вероника де-ла-Туръ-д'Аркеиль все еще составляетъ утѣху бретанскому юношеству?

— О! она умерла!

— Правда ли?

— Нельзя же жить вѣчно.

— Бросимъ какой-нибудь цвѣтокъ въ память ея. А Зоя? ты знаешь, та, что была соперницею Вероники и другой еще, болѣе обожаемой женщины? Этотъ демонъ Зоя...

— Этотъ демонъ-то же умеръ.

Бодри вздохнулъ.

— Бросимъ нѣсколько цвѣтковъ на могилу этого демона. Теперь, мой другъ, поговоримъ о той, о которой ты не сказалъ еще ни слова, чтобы раздражить мое любопытство, мою любовь, мою страсть, о той, которую я могъ обмануть нѣкогда, — я былъ вѣтренъ, — но которую я всегда любилъ, обожалъ. Иларіонъ, поговоримъ о ней; я женюсь на ней; ты знаешь ее.

— Я, я знаю ее.

— Это прелестное созданіе!

— О! да, это прелестное созданіе, повторилъ Иларіонъ.

— Божество!

— Конечно, божество.

— Могу ли найти лучше ея?

— Это правда.

— Она много перемѣнилась? робко спросилъ Бодри.

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ Пларіона.

— Нѣтъ... нѣтъ... почти не перемѣнилась. — Она, можетъ-быть, ужь умерла, подумалъ Пларіонъ.

— Ты приводишь меня въ восторгъ. Пларіонъ, теперь — свиданіе! какъ оно будетъ трогательно! Черезъ восемь дней, будетъ наша свадьба. Пойдемъ къ ней....

Услышавъ шумъ шаговъ, Бодри остановилъ Пларіона.

— Постой, еще минуту.

Это была Адриана. Она шла къ Бодри.

— Ахъ, сколько я чувствую благодарности за ваше добро, за ваше великодушіе, которое вы оказали Анатолю.

— Боже мой! лицо, осанка, улыбка, это она! думалъ Бодри. — Я сдѣлалъ только то, что сдѣлалъ бы всякой другой на моемъ мѣстѣ, отвѣчалъ онъ Адрианѣ.

Видя неподвижность Адрианы, онъ подумалъ: — Ужели она не узнаетъ меня? Или она притворяется, что не узнаетъ? Не согласилась ли она съ Пларіономъ?

— Вы сдѣлали добро не благодарному, прибавила Адриана: я отвѣчаю вамъ за его вѣчную признательность....

— Кажется, подумалъ Бодри, она не узнаетъ меня.

— Я надѣюсь, что все будетъ общее у насъ обоихъ, прибавила Адриана, доканчивая свою рѣчь.

— Я не ограничусь этимъ, снова началъ Бодри, и наклонившись къ уху Пларіона, прибавилъ:

— Пларіонъ, она прелестна, божественна.... Но мнѣ кажется, я вижу все во снѣ.

— Что съ нимъ? подумалъ Пларіонъ.

— О! ужели этого еще не довольно сказала Адриана.

Что можно прибавить еще къ тому, что вы сдѣлали для насъ?

— Давно ли она живетъ въ замкѣ, тихонько спросилъ Бодри Пларіона.

— Подожди, я скажу тебѣ. Теперь 1831 годъ—завоеваніе Алжира.... война въ Моревъ.... война въ Испаніи.... вступленіе союзниковъ.... французская кампанія.... изгнаніе изъ Москвы.... Нѣтъ, я не могу сказать тебѣ этого. Проклятая метода Роберта!

— Жаль моего друга, подумалъ Бодри и обратился къ Адрианѣ. — Но я еще ничего не сдѣлалъ для васъ.... Я не знаю, какъ вознаграждать.... Согласились ли бы вы принять руку человѣка, котораго любите?

— Какъ! вы хотите еще дополнить ваши милости?

— Она думаетъ, что счастье измѣнило меня, шепнулъ Бодри на ухо Пларіону. — Да, мадемоазель, ваши желанія будутъ исполнены. Черезъ восемь дней, вы будете женою....

— Анатоля, прервала Адриана.

— Анатоля! возразилъ Бодри. Что это за Анатоля?

— Анатоля, отвѣчала Адриана, это тотъ, кто спасъ васъ отъ кораблекрушенія, кому вы такъ щедро заплатили за услугу, кому, наконецъ, я передамъ сейчасъ радостную вѣсть о нашей свадьбѣ, потому-что вы хотите, чтобы я вышла за него замужъ.

Адриана убѣжала, прыгая отъ радости.

Замѣтивъ, что Бодри стоитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, Пларіонъ подошелъ къ нему и предложилъ табуку.

— Что ты такъ задумался? Не забылъ ли объ чемъ-нибудь? Прибѣгни къ помощи маленькихъ ключковъ бумаги....

— Пларіонъ! оставь меня.

— Что съ тобою, мой другъ?

— Еще разъ, Пларіонъ, оставь меня, и ступай, позови ко мнѣ этого Анатоля. Я жду его.

— Я пойду; черезъ минуту онъ будетъ здѣсь. Но что съ тобою? Ты, кажется, встревоженъ; это безпокоитъ меня.

— Выслушай мой совѣтъ, Пларіонъ, сказалъ Бодри самымъ торжественнымъ голосомъ: выслушай и старайся воспользоваться имъ. Помни....

Чтобы удержать въ памяти слова Бодри, Пларіонъ торопливо вынулъ свой платокъ, чтобы завязать узелъ.

— Пларіонъ! Пларіонъ! когда ты влюбишься, не путешествуй никогда.

Пларіонъ тотчасъ спряталъ свой платокъ въ карманъ и удалился.

— Совершенно бесполезно мнѣ помнить объ этомъ, проворчалъ онъ.

Оставшись одинъ, Бодри разсуждалъ съ самимъ собою:

— Вотъ вѣроломство! забыть человѣка послѣ двадцати-лѣтняго отсутствія! Но быть-можетъ это не вѣроломство. Она, вѣрно, не узнала меня. Рѣшительно, надо повѣрить Пларіону, что я немного перемѣнился. И это очень возможно. Я нѣсколько загорѣлъ отъ солнца. Но все равно, ужасно быть неузнаннымъ. О! мнѣ измѣнили! отъ этого разрывается мое сердце.

Явился Анатоля, и Бодри, окончивъ свой монологъ, сказалъ ему:

— Я послалъ за вами, милостивый государь.

— Если бы я осмѣлился, отвѣчалъ молодой человекъ, я пришелъ бы къ вамъ безъ вашего приказанія: я долженъ принести вамъ мою благодарность за вашу новую милость, — вы желаете ускорить мой бракъ съ Адрианою.

— Точно, объ этомъ бракѣ я и хочу поговорить съ вами.

— Я слушаю васъ, милостивый государь, со всею вниманіемъ.

— Этотъ бракъ былъ невозможенъ вчера.

— Да, милостивый государь; но нынче, благодаря васъ....

— Нынче, онъ еще невозможнее, чѣмъ вчера.

— Кто осмѣлится воспретствовать, когда вы сами?...

— Вы никогда не думали объ соперникѣ?

— Соперникъ! какая глупость? и откуда онъ возьмется?

— Онъ здѣсь, въ этомъ замкѣ.

— Васъ обманули, съ живостию возразилъ Анатоля. У меня нѣтъ соперника. Я могъ бы узнать его, могъ бы подозрѣвать.... Впрочемъ, Адриана сказала бы мнѣ.

— Адриана не все сказывала вамъ....

— Милостивый государь, ее оклеветали передъ вами.

— У васъ есть соперникъ, увѣряю васъ.

— Вы увѣряете.... Что за важность, пусть кто-нибудь другой, пусть тысяча другихъ любятъ Адриану; я женюсь на ней черезъ восемь дней!

— Да, если только женитесь.

— Вы сомнѣваетесь въ этомъ? Я посмѣлся бы надъ подобнымъ невѣріемъ всякаго другаго; но ваши сомнѣнія тревожатъ, пугаютъ меня.

Бодри принялъ самодовольный видъ и спросилъ:

— Такъ вы начинаете вѣрить, что у васъ есть соперникъ?

— Страхъ, который наводятъ на меня ваши слова, отвѣчалъ молодой человекъ, заставляетъ меня вѣрить всему. Кто этотъ соперникъ? По-крайней-мѣрѣ, узнаю ли я его?

— Очень скоро.

— Онъ молодъ?

— Не столько, какъ вы.

— Милъ, любезенъ?

— Не столько, какъ вы.

— Богатъ?

— О! гораздо богаче васъ.

— Что же онъ сдѣлаетъ мнѣ, хотя онъ молодъ, милъ, богатъ, если Адриана любитъ только меня? Эта мысль ободряетъ меня и даетъ мнѣ твердость противъ всего, что вы говорили.

— Конечно, если только она любитъ васъ.

— Если!... Я позволю сомнѣваться во всемъ, но что до любви Адрианы.... нѣтъ, милостивый государь, нѣтъ!

Бодри вынулъ изъ кармана портретъ и показалъ его Анатолю.

— Знакомо ли вамъ это лицо?

— Портретъ Адрианы!

— Трудно ошибиться въ этомъ, не такъ ли?

— Этотъ портретъ въ вашихъ рукахъ, милостивый государь! Вы получили его, конечно, отъ моего соперника? Но откуда онъ досталъ его?

— Отъ самой Адрианы.

— Отъ Адрианы!... Сильное доказательство.... но я сомнѣваюсь, сомнѣваюсь болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Вѣтренникъ! пробормоталъ Бодри. Чтобы увѣрить васъ, продолжалъ онъ, я отыщу въ своемъ чемоданѣ доказательства болѣе убѣдительныя и рѣшительныя....

Вѣ невѣрности Адрианы?

— Въ ея невѣрности, сказалъ Бодри. Оставайтесь здѣсь. Я возвращусь черезъ минуту.

Бодри удалился, оставивъ портретъ Адрианы въ рукахъ Анатоля, который сталъ разсуждать съ самимъ собою.

— Этотъ человекъ помѣшался, либо я глупецъ. У меня есть соперникъ! Онъ живетъ въ замкѣ, и я не знаю его. У меня есть соперникъ, и господинъ Бодри пріѣхалъ изъ-за четырехъ-тысячъ лье, чтобы сказать мнѣ объ этомъ, и привезъ въ своемъ чемоданѣ доказательства. И этотъ соперникъ любимъ! Повторяю, что одинъ изъ насъ сумасшедшій. Между-тѣмъ этотъ портретъ, этотъ портретъ.... Не Адриана ли это идетъ? — Она.... Идите, скорѣе идите!

Анатоля спряталъ портретъ.

— Что такое, мой другъ? Вы хотите видѣть меня?

— Да.

— Вы встревожены....

— Это не безъ причины.

— Успокойте меня скорѣе, прошу васъ.

— Знаете ли, что рассказали господину Бодри, здѣсь, въ этомъ самомъ замкѣ?

— Что наказали? откройте мнѣ.
 — Что я былъ любимъ одною дѣвушкою.
 — Ему не солгали; что же въ этомъ худаго, мой другъ?
 — Эта дѣвушка прелестна.
 — Вы увѣрены, что это я?
 — Эта дѣвушка очень богата.
 — Вы пугаете меня, Анатолий; въ такомъ случаѣ, это не я. Но къ чему тревожиться мнѣ, если вы не любите ее?
 — Но говорятъ, я любилъ ее.
 — О! это невозможно.
 — Еще говорили господину Бодри, что я не женою на васъ.
 — Господину Бодри, сказала Адриана, наговорили слишкомъ много, чтобы тутъ не было какой-нибудь истины.
 — Вы такъ думаете. Но, господину Бодри говорили это не обо мнѣ, а объ васъ, Адриана.
 — Обо мнѣ?
 — Именно объ васъ. Его увѣрили, что у меня есть соперникъ, и соперникъ любимый вами, которому вы хотите отдать руку.
 — Анатолий!
 — Вы сомнѣвались во мнѣ, я сомнѣваюсь въ васъ. Въ свою очередь, я скажу вамъ: господину Бодри наговорили слишкомъ много, чтобы не было тутъ какой-нибудь истины.
 — А гдѣ доказательства этихъ словъ? спросила гордая Бретанка.
 — Анатолий показалъ портретъ.
 — Мой портретъ! какое чудо! я никогда не снимала съ себя.
 — Никогда!... Да, это залогъ воспоминанія. Что скажете вы теперь?
 — Не знаю.... я въ какомъ-то замѣшательствѣ.... объясните мнѣ. Кто далъ вамъ этотъ портретъ?
 — Самъ господинъ Бодри, котораго я жду здѣсь. Онъ обещалъ принести еще доказательства, болѣе рѣшительныя, болѣе полныя, въ вашей измѣнѣ мнѣ и въ любви къ другому. Я ожидаю его.
 Вырвавъ портретъ изъ рукъ Анатоля, Адриана вскричала съ негодованіемъ:
 — Я не стану ждать. Пойдемте со мною къ господину Бодри!
 Адриана пошла впередъ; Анатолий слѣдовалъ за нею;

но въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ выйти, его остановила дѣвица д'Аркейлъ.
 — Гдѣ господинъ Бодри?
 — Въ своихъ комнатахъ. Онъ скоро выйдетъ. Потерпите, мадамъ....
 — Одно слово. Скажите, это очень удивительно, что онъ не видѣлся еще со мною?
 — Но онъ прибылъ не болѣе часа, и вы хотите, чтобы онъ уже дѣлалъ свои визиты? Позвольте мнѣ идти.
 — Еще одно слово. Знаете ли, кто я?
 Анатолий вышелъ изъ терпѣнія.
 — Нѣтъ, сударыня, но меня ждуть....
 — Я изъ фамиліи ла-Туръ-д'Аркейлъ, дочь контръ-адмирала ла-Туръ-д'Аркейля, внука вице-адмирала ла-Туръ-д'Аркейля, племянница адмирала ла-Туръ-д'Аркейля.
 — Словомъ, дама очень почтенная.
 — Я графиня.
 — Я не спорю противъ этого, но сдѣлайте милость...
 — Еще слово и болѣе ничего. Можете ли вы сказать мнѣ: господинъ Бодри женатъ?
 — Не знаю, графиня. Это не касается до меня; я иду по своимъ дѣламъ. Прощайте, мадамъ.
 Дѣвица д'Аркейлъ стала на лѣстницѣ павильона, чтобы загородить дорогу Анатолю.
 — Вы скромничаете?
 — Нѣтъ, мадамъ.
 — Ваша откровенность мнѣ нравится; она позволяетъ мнѣ говорить. Я хочу рассказать вамъ все, не называя, впрочемъ, никого по имени. Два молодые человека любили другъ друга самую вѣрную любовью, какъ два годубка Ла-Фонтеня.
 — Если бы я смѣлъ, подумалъ Анатолий, я задушилъ бы ее.
 — Вы принимаете уже участіе въ этой исторіи, продолжала дѣвица д'Аркейлъ. Одинъ былъ молодой человекъ незнакомнаго происхожденія, другая — дѣвушка изъ знаменитой фамиліи. Не смотря на это неравенство, дѣвушка отдала свою любовь, свое сердце... вы знаете... все, что можно дать въ порывѣ великодушія. Но чтожь она узнаетъ? что молодой человекъ незнакомнаго происхожденія хочетъ жениться на другой, какой-то безвѣстной соперницѣ. Она довѣряетъ свой стыдъ брату, который потребовалъ удовлетворенія у молодаго чело-

вѣка незнакомнаго происхожденія. Они дерутся. Бодри ранилъ моего брата.... Ахъ! я измѣнила себя.... Горестъ, любовь сильнѣе приличій.
 — Теперь, равнодушно спросилъ Анатолий, вы позволите мнѣ идти?
 Онъ хотѣлъ идти, но его остановила Зоя.
 — Милостивый государь, здѣсь ли живетъ господинъ Бодри? можно ли его видѣть? женатъ ли онъ?
 — Спросите эту даму, сказалъ раздраженный Анатолий, и силою пробился между двухъ старухъ.
 — Мадемоазель д'Аркейлъ ужъ здѣсь! сказала Зоя съ язвительнымъ удивленіемъ.
 — Мадемоазель Зоя!
 — Да, мадемоазель!
 — Да, мадемоазель!
 — Такъ вы уже знаете, сказала Зоя, что господинъ Бодри пріѣхалъ.
 — Да, я узнала, что Бодри пріѣхалъ.
 — Бодри! какая фамильярность! Можно подумать, что вы у себя?
 Я въ самомъ дѣлѣ у себя.
 — Вы!
 — Кажется.
 — Что вы значите для господина Бодри, чтобы говорить такъ?
 — То, чѣмъ вы хотѣли бы быть, но не могли.
 — Его жена? сказала Зоя.
 — Не прогнѣвайтесь.
 — Вы его жена, вы?
 — Что за странный вопросъ?
 — Это вздоръ, этому не бывать.
 — Не вы ли помѣшаете?
 — Нѣтъ, онъ самъ помѣшаетъ этому.
 — Онъ? Но вы не знаете моихъ правъ?
 — А если бы вы знали мои, возразила Зоя.
 — Желала бы знать.
 — Ваши опираются на пьедесталъ вашей красоты?
 — Ваши покоятся на основаніи вашей добротѣ?
 — Быть-можетъ, прибавила Зоя, вы надѣетесь на свои пятьдесятъ два года дѣвственной жизни?
 — А вы на свои пятьдесятъ-пять лѣтъ вѣрности?
 — Несносная! сказала Зоя.
 — Не думаете ли вы, спросила мадемоазель д'Аркейлъ съ язвительною улыбкой: напугать и уморить меня пистолетнымъ выстрѣломъ, какъ удалось вамъ употребить это средство противъ общей нашей соперницы?

— У меня есть другое оружіе, чтобы побѣдить васъ. Вы умрете отъ зависти.
 — А вы отъ старости. Мнѣ не долго придется ждать этого.
 Можно предвидѣть, до чего бы дошелъ этотъ споръ между двумя старыми искательницами сердца господина Бодри, если бы онъ не былъ прерванъ приходомъ Адрианы и Анатоля.
 — Но объясните ли вы мнѣ? говорилъ Анатолий Адрианѣ, которая хототала, какъ безумная.
 — Нѣтъ, вы никогда не повѣрите этому.
 — Но еще: зачѣмъ вы ушли изъ кабинета господина Бодри?
 — Я боялась умереть отъ смѣха. Знаете ли, кто этотъ соперникъ, которымъ такъ напугалъ васъ господинъ Бодри?
 — Скажите, Адриана.
 — Этотъ соперникъ — онъ самъ.
 — Какъ это?
 — Да, та, кого онъ любилъ....
 — Это я! закричала мадемоазель д'Аркейлъ.
 — Это я! сказала мадемоазель Зоя.
 — Извините, замѣтила имъ Адриана, это я. Но вотъ онъ самъ.
 Въ эту минуту, явился Бодри, сопровождаемый Иларіономъ и Буске. Онъ держалъ въ рукѣ связку писемъ.
 — Я хочу доказать вамъ, сказалъ онъ Адрианѣ. Вотъ что объяснитъ наши отношенія.
 — Что это у него? подумалъ Иларіонъ.
 Мадемоазель д'Аркейлъ заняла мѣсто по правую руку господина Бодри, тогда-какъ мадемоазель Зоя осталась на лѣвой сторонѣ.
 — Посмотримъ, узнаетъ ли онъ меня, когда оглянется въ эту сторону, подумала мадемоазель д'Аркейлъ. Ударяя пальцемъ по связкѣ писемъ, Бодри произнесъ торжественнымъ голосомъ:
 — Вы сейчасъ узнаете, что это такое.
 — Вотъ счастливая минута напасть на него, проговорила Зоя.
 — Безъ сомнѣнія, вы помните меня, господинъ Бодри? сказала мадемоазель д'Аркейлъ.
 — Прекрасно! сказала въ сторону мадемоазель Зоя, онъ не узнаетъ ее. — Потомъ она прибавила въ слухъ, обратившись къ Бодри: Мой образъ, вѣрно, никогда не оставлялъ васъ?

— Трудно узнать его, подумала мадемоазель д'Аркейлъ. Но мое имя поразить его: Я Вероника.

— Вероника! отвѣчала Бодри....

— Вероника де-ла-Туръ-д'Аркейлъ.

— Де-ла-Туръ-д'Аркейлъ!

— Ну, заговорила, словно по-гречески, сказала мадемоазель Зоя. Я Зоя!

— Но зачѣмъ пришли сюда эти сумасшедшія? спросила Адриана у Анатоля.

— Вы никогда не разгадаете этого.

— Я очень радъ, сказалъ Бодри, что нахожу васъ въ добромъ здоровьѣ; но я не могу узнать ни той, ни другой.

— Нѣкогда вы называли меня милою, сказала Зоя.

— А меня кошечкою.

— Милая.... кошечка.... Что это значитъ? Вы ошиблись въ номерѣ.

— Бодри очень забывчивъ, пробормоталъ Пларіонъ. Я подозреваю.... кажется, я вспоминаю....

— Лица старѣютъ, снова начала мадемоазель д'Аркейлъ; имена изглаживаются изъ неблагодарной памяти; но прекрасныя чувства живутъ вѣчно. Милый Бодри, ты любилъ меня.

— Лицо Зои вспыхнуло молніею гнѣва.

— Она говоритъ ему ты! подумала Зоя, отразимъ ударъ. Милый Бодри, ты обожалъ меня! прибавила она.

Бодри, не зная, что дѣлать, сказалъ мадемоазели д'Аркейлъ: «Я любилъ васъ!» и мадемоазель Зоѣ: «Я обожалъ васъ!» и наконецъ Пларіону: «Для чего ты пустилъ сюда этихъ сумасшедшихъ?»

— Да, ты любилъ меня, снова начала мадемоазель д'Аркейлъ. Это было въ послѣдній годъ консульства.

— Во время коронаванія императора Наполеона, прервала Зоя, ты обожалъ меня, Бодри, въ тоже время.

— Какъ это должно быть приятно ему, подумалъ старшій Пларіонъ, видѣть возвращеніе своей молодости.

— Все это могло быть, сказалъ Бодри: но что значитъ теперь вашъ визитъ?

— Чего можетъ желать, отвѣчала мадемоазель д'Аркейлъ, та, которая любила васъ серьезною любовью.

— Угадать это не трудно, прибавила Зоя.

— То есть, надо жениться на васъ?

— Если ваше сердце согласно на это, сказала мадемоазель д'Аркейлъ сладкимъ голоскомъ.

— Оно не согласно на это.

— Я спасена, вскричала Зоя. Ваше сердце, быть-можетъ, скорѣе отзовется на голосъ Зои?

— Вы приятно шутите! но докажите мнѣ дружбу, оставьте меня въ покоѣ. Мнѣ надо теперь заняться кое-чѣмъ важнымъ, и ваше присутствіе будетъ лишнимъ.

— Если вы, возразила оскорбленная д'Аркейлъ, попираете ногами всѣ воспоминанія о счастливомъ времени нашей любви, я, Вероника де-ла-Туръ-д'Аркейлъ, потребую, чтобы вы, господинъ Бодри, сдержали свои обѣщанія.

— Обѣщанія! воскликнулъ Бодри съ комическимъ видомъ.

— Господинъ Бодри, заговорила, въ свою очередь, Зоя: вы исполните ваши обязательства, если же нѣтъ!....

— Теперь я узнаю ихъ, пробормоталъ старшій Пларіонъ. Я давно считалъ ихъ муміями.

— Угрозы! сказалъ Бодри. Вы думаете напугать меня? Не хотите ли вы, чтобы я женился на васъ обѣихъ. Можно подумать, что у васъ есть какіе-нибудь документы.

— Документы! вскричала Зоя. Вотъ мои.

— А вотъ и мои, прибавила мадемоазель д'Аркейлъ: они лучше вашихъ, сударыня.

— Документы противъ меня? любопытно взглянуть на нихъ.

— Узнаете ли? Вы не потребуете, чтобы я перечитывала вамъ всѣ эти письма; ихъ двѣсти-три: я выберу одно на удачу.

Мадемоазель д'Аркейлъ начала выбирать письмо, которое она намѣревалась прочесть. Подражая этому движенію, Зоя прибавила:

— Я сдѣлаю то же и съ моей стороны.

Мадемоазель д'Аркейлъ прочитала:

«Милая, обожаемая Вероника, наша прогулка, вчерашняго утра, подъ тѣнистыми каштанами, оставила въ моемъ сердцѣ такія сладостныя впечатлѣнія, что я желалъ бы изгладить изъ моей памяти все, кромѣ твоего страстнаго взгляда, прелестнаго личика, прекрасныхъ рукъ, твоихъ очаровательныхъ ножекъ, твоихъ плечъ....»

— Скажите еще, что вы не любите меня, прибавила мадемоазель д'Аркейлъ, обратившись къ Бодри. Вы откажетесь отъ этого почерка?

— Это письмо мое, сказалъ Бодри, я не откажусь отъ него.

— Побѣда! закричала мадемоазель д'Аркейлъ.

— Нѣтъ еще! возразила Зоя. Выслушайте и меня. Зоя начала читать письмо:

«Милая, обожаемая Зоя, наша прогулка, вчерашняго вечера, подъ каштанами....»

— Какъ! прервала мадемоазель д'Аркейлъ, и она ходила въ каштановую рощу?

Зоя продолжала:

«Оставила въ моемъ сердцѣ... такія сладостныя впечатлѣнія, что я желалъ бы изгладить изъ моей памяти все, кромѣ твоего страстнаго взгляда, прелестнаго личика, прекрасныхъ рукъ, твоихъ очаровательныхъ ножекъ, твоихъ плечъ....»

— Втроемъ! думала мадемоазель д'Аркейлъ: онъ писалъ ей то же самое. Какое число, мадемоазель?

— Фруктидоръ IX года; а у васъ, мадемоазель?

— Фруктидоръ IX года.

— Стало-быть, тому тридцать лѣтъ, сказалъ Пларіонъ.

— Чудовище! въ одинъ и тотъ же день!

Такъ думала мадемоазель д'Аркейлъ.

— Съ нею утромъ, а со мною вечеромъ. Такъ размышляла Зоя.

Бодри наконецъ могъ проговорить:

— Если это и правда, что я обожалъ нѣкогда васъ; чего же хотите вы отъ меня теперь? Я не отвергаю прошедшаго, ни вашихъ ножекъ, ни ручекъ, ни плечъ, ни каштановъ; но я не могу жениться на васъ ни вмѣстѣ, ни порознь, просто потому, что я женись черезъ восемь дней на другой женщиѣ.

— На другой женщиѣ! вскричала мадемоазель д'Аркейлъ.

— Черезъ восемь дней! вскричала Зоя.

— Черезъ восемь дней, повторилъ Бодри.

— Въ такомъ случаѣ, война! сказала Зоя. Выслушайте, господинъ Бодри и всѣ вы, послѣднюю часть этого письма.

Мадемоазель д'Аркейлъ, съ своей стороны, начала отыскивать послѣднюю часть въ своемъ письмѣ; между-тѣмъ Зоя читала слѣдующее:

«Пусть накажетъ меня небо, пусть упадетъ на мою голову громъ, если я буду невѣренъ воспоминанію такого блаженства, Зоя!...»

«Такого блаженства, Вероника!» повторила мадемоазель д'Аркейлъ.

Зоя продолжала:

«Я хочу болѣе; если когда-нибудь я забуду тебя для другой, если предложу другой свою руку, если я явлюсь передъ алтаремъ съ другою женщиною, чтобы дать ей мое имя, я согласенъ подарить тебѣ такую сумму, которая, правда, не стоитъ одного твоего взгляда, но которая будетъ триста тысячъ франковъ, да, триста-тысячъ франковъ! У меня нѣтъ ихъ теперь, но почему не быть имъ у меня со временемъ? Тогда потребуй ихъ отъ меня, Зоя, потребуй у подножія алтаря, какъ цѣну моей невѣрности.... и ты получишь ихъ.»

«Маркъ Бодри.»

Вероника де-ла-Туръ-д'Аркейлъ повторила послѣднія слова: «И ты получишь ихъ!» и прибавила:

— Теперь, женитесь ли вы на насъ или нѣтъ, это ваше дѣло.

— Да, сказала Зоя изумленному Бодри: вы должны дать триста-тысячъ франковъ той изъ насъ, на которой вы женитесь, и по триста-тысячъ франковъ намъ обѣимъ, если не женитесь ни на той, ни на другой.

— Проклятыя письма! проклятое обязательство! произнесъ жалобнымъ тономъ старшій Пларіонъ: это написано и подписано... честь подписи! Но женитесь на той или другой, либо отдать шесть-сотъ-тысячъ франковъ!

Бодри долго смотрѣлъ то на ту, то на другую, наконецъ произнесъ торжественнымъ тономъ:

— Ступайте въ кассу! Пропадай шесть-сотъ-тысячъ франковъ, но я женись на этой дѣвушкѣ.

Онъ указалъ на Адриана.

— Вы женитесь на мнѣ?

— Да, Адриана, я женись на васъ. Довольно вамъ притворяться или шутить надо мною. Не смотря ни на время, ни на отдаленность, я свято сохранилъ мою любовь къ вамъ, Адриана.

— Вы ошибаетесь, господинъ Бодри, возразила дѣвушка.

— Развѣ вы не Адриана?

— Повторяю вамъ, вы ошибаетесь.

— Я ошибаюсь! вы можете говорить, что я ошибаюсь? Пларіонъ! поди сюда и усовѣсти эту дѣвушку. Скажи, не ты ли прислалъ мнѣ, въ Индію, ея портретъ отъ ея имени? Ты долженъ помнить это.

Пларіонъ потеръ лобъ.

— Безъ сомнѣнїя.

— Вы послали мой портретъ въ Индію, господину Бодри... вы?

— Но... да.

— Но нѣтъ.

— Ну такъ нѣтъ.

— Да, нѣтъ.... Объясни мнѣ, какимъ образомъ я могъ получить его, если ты не посылаешь? Ты послалъ мнѣ его, вспомни... онъ былъ въ табакеркѣ.

Пларіонъ выпрямился.

— Въ табакеркѣ? Теперь помню, какъ-будто это было вчера. Я послалъ тебѣ этотъ портретъ, я.

— Онъ спитъ съ Адрианы?

— Да.

— Съ меня? спросила Адриана.

— Вы видите сами.

— Умоляю васъ, господинъ Пларіонъ, умоляю васъ, дѣло идетъ о чести моего слова, постарайтесь вспомнить: съ меня ли былъ снятъ этотъ портретъ и посланъ въ Индію?

— Я старался, отвѣчалъ Пларіонъ, и вынулъ два платка и двѣ табакерки.

— Употребите всѣ свои усилія; что касается до меня, я клянусь....

— Не клянитесь.... клятвы бесполезны: я имѣю столько свидѣтелей нашей взаимной любви, столько неопровержимыхъ доказательствъ.... вотъ они! Всѣ эти письма....

— Мои письма!

— Я прочитаю только одно, продолжалъ Бодри, именно написанное вами въ тотъ день, когда я долженъ былъ оставить Францію, оставить и васъ. Слушайте, и пусть разсудитъ, кто изъ насъ лжетъ.

«Милый Бодри, я не любила, не люблю и не буду любить никого, кромѣ васъ. И можетъ ли быть иначе, когда самая глубокая признательность соединяется, въ моемъ сердцѣ, съ пламенною страстью? Вы были нашимъ покровителемъ во всякое время; вы оказали помощь нашему семейству во время плѣна моего отца на англійскихъ понтонахъ, и вы, за свои деньги, выкупили его и возвратили въ наши объятія. Наша жизнь, наша свобода, наше счастье, все принадлежитъ вамъ. Бодри, я призываю Бога въ свидѣтели, что я не буду принадлежать никому другому, кромѣ васъ. Забудьте меня, я останусь вѣрна вамъ. Одна смерть

въ состояніи заставить меня измѣнить своимъ обещаніямъ....»

— Не ваше ли это письмо?

Адриана взглянула на письмо и вскричала:

— Рука моей матери!

— Вашей матери? спросилъ Бодри, отступивъ назадъ.

— А! вспомнилъ теперь, сказалъ Пларіонъ. Бодри! Бодри! Той Адрианы, которую любилъ ты и которая любила тебя, уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Это ея дочь.

— Ея дочь? какой же я старикъ!

— Да, Бодри, ея дочь! другой Адрианы ужъ нѣтъ.

— Ея нѣтъ, и ты не написалъ мнѣ въ Индію, что Адриана умерла?

— Я забылъ объ этомъ.... Тогда я еще не зналъ методы Роберта. Я забылъ сказать тебѣ, что она была замужемъ.

Бодри вздохнулъ, соединилъ руку Анатоля съ рукою Адрианы, и взглянувъ на мадемоазель д'Аркейлъ и мадемоазель Зою, сказалъ имъ:

— Я не женюсь ни на комъ, и не хочу давать вамъ ничего. Касса заперта.

— Вѣрь послѣ этого любовнымъ письмамъ, сказала мадемоазель д'Аркейлъ и удалилась.

— Всего лучше уничтожить ихъ, прибавила Зоя, и, для примѣра, разорвала въ клочки всѣ письма Бодри.

— Всего лучше, сказалъ Бодри, вовсе не писать ихъ.

Назки и Художества.

ПРАГА И БОГЕМИЯ.

(Записки путешественника).

(окончаніе).

Въ церкви святаго Петра, въ Прагѣ, есть памятникъ, знаменитый въ исторіи христіанской Бо-

геміи. Я хочу сказать о каменной гробницѣ святаго Логгина. По преданію, Логгинъ, римскій сотникъ, былъ при распятіи Христа. Онъ былъ слѣпъ; но капля крови Спасителя капнула на его глаза и возвратила ему зрѣніе. Тотчасъ онъ воспѣлъ хвалебную пѣснь Спасителю и воскликнулъ: «это Христосъ, это — помазанный Господень.» При этихъ словахъ, другіе воины побили его камнями и погребли его трупъ въ каменномъ гробѣ, который бросили въ море. Этотъ гробъ не ушелъ на дно, но плавалъ по водамъ дотолѣ, пока вѣтры пригнали его въ пристань одного христіанскаго города, откуда перевезли его въ Богемію. Гусситы бросили его въ Молдаву, и долго никто не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось. Наконецъ войны Гусситовъ кончились. Однажды рыболовы увидѣли свѣтлое пламя, появившееся на поверхности рѣки; они пытались погасить его, но оно противилось всѣмъ ихъ усиліямъ. Эта странная вѣсть разнеслась по городу. Всякой догадывался, что совершилось великое чудо. Была наряжена духовная коммиссія, и когда она собралась на берегахъ Молдавы, каменный гробъ святаго Логгина самъ собою всплылъ на верхъ рѣки, и всѣ изумленные зрители съ усердіемъ его подняли, и со всѣми подобающими ему почестями внесли въ церковь Виссерата.

«Когда ихъ величества, императоръ Францъ, императоръ Александръ и король Пруссій Фридрихъ Вильгельмъ были въ Виссератѣ» — сказалъ мнѣ старый звонарь — «я самъ показывалъ имъ эту гробницу. Императоръ Александръ заставилъ меня разсказать то, что я сказалъ вамъ....»

Въ 1187 году, жилъ въ Богеміи герцогъ, по имени Фридрихъ, который спорилъ съ духовенствомъ за доходы съ одной деревни, владѣніе которой присвоивалъ себѣ одинъ монастырь. Монахи, одержавъ верхъ въ этой борьбѣ, наложили на своего побѣжденнаго противника строгое покаяніе, и одинъ изъ нихъ имѣлъ даже дерзость ударить его бичемъ. Подобное торжество, одержанное духовною властью надъ свѣтскою, было слишкомъ важно, и побѣдители не забыли увѣковѣчить воспоминаніе объ немъ. По этому они велѣли написать картину, представляющую герцога Фридриха, бичуемаго святымъ Петромъ. На этой картинѣ, которую всѣ туристы могутъ видѣть въ церкви Виссерата, находится слѣдующая надпись: Flagellatus Fredericus, duc Bohemiae, a sancto Petro ob-

ragum nomine Czernowitz abalienatum 1187.... «Въ 1784, — сказалъ мнѣ еще мой чичероне передъ этой картиной, — императоръ Юсифъ II съ Лаудонемъ, Лассіемъ и другими вельможами своего двора, вошелъ въ церковь святаго Петра. Я былъ тогда еще молодъ и робко стоялъ въ сторонѣ, но все видѣлъ и слышалъ. Когда его величество увидѣлъ герцога Фридриха, выраженіе лица его измѣнилось: «Святой Петръ» сказалъ онъ «несправедливо такимъ образомъ поступалъ съ государемъ; это весьма неприлично». Потомъ онъ опустилъ глаза въ землю и, казалось, размышлялъ; послѣ всего этого онъ присовокупилъ: «Эта картина столь древняя, что ее можно тутъ оставить». Лаудонъ былъ подлѣ его величества, и улыбулся, не сказавъ ни слова.»

Но сойдемъ съ Виссерата и взойдемъ на Градчинъ, этотъ холмъ, не менѣе славный, между другими памятниками, увѣнчанный дворцемъ богемскихъ королей и соборною церковью Праги. Даже въ царствованіе послѣднихъ герцоговъ Виссератъ былъ уже обитаемъ только въ военное время; ибо крѣпость его, разрушенная Иоанномъ Зискою, доставляла болѣе вѣрное убѣжище во время осады. Иногда только, дѣломъ, въ мирное время, онъ служилъ резиденціей.

Дворецъ королей и императоровъ Богеміи есть обширное зданіе, построенное въ разныя времена, и болѣе замѣчательное, по своей обширности и мѣстоположенію, нежели по красотѣ своей архитектуры. Увѣряютъ, что въ немъ четыреста сорокъ комнатъ. Ни одна изъ его частей не заслуживаетъ особливаго описанія. Иностранцы посѣщаютъ лишь большія готическія залы Владислава, въ которыхъ богемское дворянство давало присягу въ покорности своему государю, послѣ его коронаванія; четыре готическія башни (нѣкогда насчитывали ихъ двадцать двѣ), пошаженыя войною, временемъ и пожаромъ, и, наконецъ, на узкой террасѣ, два каменные обелиска, воздвигнутые на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда пали Славата и Мартиничъ. Окно, въ которое они были выброшены, теперь заложено.

Напротивъ, соборная церковь Праги, посвященная святому Витту, есть одна изъ прекраснѣйшихъ, богатѣйшихъ и занимательнѣйшихъ церквей во всей Германіи; впрочемъ, она много потеряла во время войнъ, опустошившихъ Богемію, отъ святотатственныхъ разореній Гусситовъ, католиковъ, протестантовъ, Шведовъ, Нѣмцевъ и Венгерцевъ. Гусситы однажды ограбили всѣ

ей украшенія; въ концѣ тридцати-лѣтней войны, Шведы, овладѣвъ Градчиномъ посредствомъ хитрости, получили въ соборной церкви такую добычу, что отправили въ Стокгольмъ много судовъ съ драгоценностями, которыя и теперь еще видны въ музеяхъ этого города. При осадѣ Праги, въ 1757, Фридрихъ Великій, казалось, рѣшился разрушить церковь святаго Витта до основанія; онъ направилъ на ея башни весь огонь своей артиллеріи, какъ-будто пятидесяти-тысячная армія должна была немедленно сдаться на капитуляцію, чтобы спасти соборъ отъ совершеннаго разрушенія. Нельцель, безпристрастный историкъ Богеміи, сдѣлалъ точное исчисленіе ядеръ и бомбъ, брошенныхъ въ это удивительное, лучшее произведеніе готической архитектуры, по безжалостному приказанію Фридриха. Пятаго іюня насчитали пять-сотъ тридцать-семь бомбъ, девять-сотъ восемьдесятъ-девять ядеръ и семнадцать брандскугелей; 6, 7, 8 и 9-го, брошено семь тысячъ сто сорокъ-четыре бомбы, четырнадцать тысячъ восемь-сотъ двадцать-одно ядро, и сто девятнадцать брандскугелей. Въ продолженіе этихъ четырехъ дней, соборъ тридцать одинъ разъ загорался, и тридцать разъ каноникъ Іоаннъ Кейзеръ (Kaiser) успѣвалъ тушить огонь. Двѣсти пятьдесятъ ядеръ пролетѣло сквозь сводъ, и когда, по снятіи осады, убрали весь щебень, наполнившій часть церкви, нашли въ ней семь сотъ семьдесятъ ядеръ. Наполеонъ, вошедши въ Москву, послалъ отрядъ своей гвардіи въ Воспитательный Домъ; почему же Фридрихъ Великій, покровитель и другъ артистовъ, приказалъ своимъ артиллеристамъ направить пушки на памятникъ искусства, въ которомъ заключалось столько другихъ памятниковъ, еще болѣе драгоценныхъ?

Въ самомъ дѣлѣ, церкви святаго Витта придаетъ столько занимательности и столько цѣны — собраніе многихъ гробницъ, воздвигнутыхъ подъ ея сводами великимъ историческимъ лицамъ или святымъ. Одна только изъ нихъ, гробница Вратислава Баренштейна, канцлера Максимилиана II, не была тронута и осталась невредима отъ изверженій прусской артиллеріи; всѣ прочія болѣе или менѣе потерпѣли. Счастье для Фридриха, что онъ не могъ проникнуть въ осажденный городъ: онъ слишкомъ жестоко огорчился бы, смотря на ужасныя опустошенія своего вандализма, на обращенныя въ прахъ готическія украшенія, на гра-

ціозныя разбитыя колонны, на прекраснѣйшія статуи, грубымъ образомъ изуродованныя.

Изъ всѣхъ памятниковъ церкви святаго Витта, наиболѣе привлекающей посѣтителей, безспорно, есть гробница святаго Непомюка. Изъ числа этихъ посѣтителей, одни приходятъ поклониться святому и просить у него чудесъ, другіе довольствуются удивленіемъ огромной выработанной массѣ серебра, изъ котораго вылита его рака. Увѣряютъ, что въ ней вѣсу тысяча восемь-сотъ пятьдесятъ килограммовъ. Тѣло Непомюка погребено въ хрустальномъ гробѣ, который поддерживаютъ серебряные ангелы, величиною почти въ ростъ человѣческой. Четыре ангела, изъ того же металла, вѣсомъ, говорятъ, въ двѣсти двадцать-пять килограммовъ, кажется, висятъ въ воздухѣ надъ своими собратами. Наконецъ, огромные канделябры, также изъ серебра, и золотая лампада, огромной цѣны, еще болѣе украшаютъ эту дорогую церковь. Можно понять, что такія богатства часто вводили въ искушеніе бѣдняковъ, нуждавшихся въ деньгахъ. Одну лампаду крали три раза. Но взяты были новыя предосторожности, для предупрежденія подобныхъ святотатствъ на будущее время. Всякую ночь спускаютъ въ церкви самую злую изъ всѣхъ собакъ въ Богеміи, и стражи вѣрняютъ ей почетное охраненіе имущества святаго Витта.

Не стану говорить о гробницахъ главныхъ историческихъ лицъ, заключающихся въ прагскомъ соборѣ: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко; узнайте только, что среди церкви возвышается императорскій мавзолей, построенный Рудольфомъ II для него самого и для другихъ тринадцати усопшихъ лицъ королевскаго рода, между которыми замѣчаютъ короля Георга Подибрада, императоровъ — Карла IV, Максимилиана II и Фердинанда I. Мавзолей изъ бѣлаго мрамора изваянъ славнымъ Colin de Mechel. Что до меня, соскучивъ видѣть одинъ гробницы, я изъявилъ желаніе удалиться и просилъ моего чичероне показать мнѣ *regalia*, драгоценности богемской короны; я зналъ, что онѣ хранились въ церкви святаго Витта. «Не могу васъ удовлетворить» отвѣчалъ онъ мнѣ съ видимымъ замѣшательствомъ, «потому-что мнѣ запрещено показывать иностранцамъ даже дверь, ведущую въ тотъ залъ, въ

которомъ онѣ лежатъ. Могу только сказать вамъ, что эта дверь — желѣзная, что она заперта тремя разными замками, и что три ключа вѣрены на храненіе тремъ главнымъ сановникамъ государства.»

Итакъ, я принужденъ былъ удовольствоваться частными церковными сокровищами. Я увидѣлъ тамъ множество драгоценныхъ вещей, которыя не очень меня занимали. Въ ризницѣ я имѣлъ терпѣніе насчитать тридцать-двѣ золотыя митры; я взялъ одну изъ нихъ въ руку, но она была такъ тяжела, что я едва могъ сдержать ее. «Наши капоники» сказали мнѣ мой чичероне, «никогда не жалуются на ихъ тяжесть.» Далѣе мнѣ показали триста-шестьдесятъ-восемь церковныхъ облаченій (я не считалъ ихъ) богатства и блеска неслыханнаго. Это вообще — дары дворянства духовенству; большая часть этихъ дорогихъ матерій уже служили для другаго употребленія; иная риза сдѣлана была изъ подвѣчнаго платья графини Чернинъ (Tshernin), другая изъ платья, въ которомъ была Марія-Терезія въ день ея коронованія. Лучшая изъ всѣхъ (употребляемая только въ высокотожественные праздники), отъ князя Шварценберга, была украшена множествомъ золотыхъ виноградныхъ кистей и виноградныхъ листьевъ, и всѣми пуговицами, украсившими его подвѣчное платье; всѣ эти пуговицы были — дорогіе камни, оправленные въ золото, и каждому изъ нихъ при граненіи дана была форма какого-нибудь животнаго. Какая роскошь и какое страшное своеправіе — посвящать на служеніе церкви подвѣчныя платья главныхъ дворянскихъ фамилій! Однѣ ризы были вышиты Маріей-Терезіей, другія королевою Анной Богемской, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія.

Между святынями, которыми гордятся каноники прагскаго собора, есть двѣ или три, заслуживающія того, чтобы особо упомянуть объ нихъ. Кромѣ лыка Непомюка, который сохранился въ совершенной цѣлости и такъ свѣжъ, какъ-будто бы только-что теперь отрясанъ, я замѣчу руку младенца, убитаго въ Вюлеемѣ во время ихъ избіенія; кусокъ скатерти, которою накрытъ былъ столъ во время послѣдней трапезы Иисуса съ его Учениками; гвоздь отъ креста, оправленный въ золото; кусокъ губы, которою увлажили уста распятаго Спасителя; тернъ отъ терноваго вѣнца, сохраняемый въ распятіи, которое богемскіе короли съ благоговѣніемъ цѣлуютъ во время обряда ихъ коронованія.

Если я не могъ видѣть короны и скипетра, сокрытыхъ отъ всѣхъ взоровъ въ потаенномъ покоѣ, по-крайней-мѣрѣ мнѣ показали нѣкоторыя драгоценности короны, составляющія часть церковныхъ сокровищъ. Мнѣ позволено было посмотрѣть на четыре золотыя статуи четырехъ самыхъ древнихъ богемскихъ угодниковъ: Адальберта, Вѣнцеслава и Людмилы, которыя носятъ въ процессіи предъ королями, въ день ихъ коронаціи. Мнѣ позволили также посмотрѣть на государственный мечъ, которымъ каждый монархъ, при восшествіи своемъ на престолъ, ударяетъ по плечамъ немногихъ своихъ подданныхъ, которыхъ онъ жалуетъ кавалерами. Этотъ мечъ необыкновенно легокъ. Недавно показалось пятно ржавчины на серединѣ его лезвия... Какъ пособить подобному несчастію? Можно ли признать, что государственный мечъ заржавѣлъ? Мѣсто, запятнанное этимъ позорнымъ пятномъ, было отнято и сдѣлано изображеніе креста на томъ отверстіи, которое произошло отъ этой операціи.

Всѣ Богемцы любятъ ходить по соборной церкви Градчина, среди гробницъ своихъ святыхъ и своихъ герцоговъ, которыхъ память для нихъ любезна; по этимъ мѣстамъ вызываютъ имъ также много грустныхъ и жестокихъ воспоминаній. Тамъ находится длинный рядъ живописныхъ и скульптурныхъ произведеній, назначенныхъ для торжества побѣды при *Бллой-Горль*, которой послѣдствія были столь бѣдственны для Богеміи. Деревянные изваянія представляютъ битву, шестствіе герцога и генерала императора Фердинанда въ Прагу, бѣгство электора палатина, судъ, наряженный Фердинандомъ. Это зрѣлище глубоко меня печалило, и я чувствовалъ, что глаза мои невольно наполнились слезами, при мысли о страшныхъ противодѣйствіяхъ, послѣдовавшихъ за мимолетнымъ торжествомъ утраквизма и реформы въ Богеміи. Когда вожди побѣжденной арміи, въ силу произнесеннаго надъ ними приговора, разрублены были на четыре или на восемь частей, и въ этомъ положеніи выставлены на-показъ народу, всѣ жители Праги, безъ исключенія, должны были отвѣчать на слѣдующіе вопросы:

«Отъ католиковъ ли вы родились?»

«Обратились ли къ католицизму?»

«Объясаете ли принять католическую вѣру?»

Горе тѣмъ, которые не хотѣли отказаться отъ своихъ вѣрованій! Ихъ объявляли неспособными ни къ

какому запятію, часто даже конфисковали их имущества и изгнали из их отечества. Победители так жестоко поступали съ иновѣрцами, что выгоняли изъ богоугодныхъ заведеній всѣхъ бѣдныхъ, слабыхъ или больныхъ протестантовъ, и директорамъ этихъ заведеній съ-тѣхъ-поръ приказано было принимать въ нихъ только однихъ католиковъ.

Въ продолженіе семи лѣтъ, Богемія была покорена этому правленію; потомъ императоръ отправился въ Прагу съ своей фамиліей и собравъ сеймъ, короновалъ своего сына, Фердинанда III. До неудачной битвы у Бѣлой-Горы, чины разсуждали о вопросѣ: не учредить ли имъ въ своемъ отечествѣ республику, какъ въ Швейцаріи или Голландіи, чѣмъ приглашать на тронъ электора палатива. Ни одинъ изъ членовъ новаго сейма не осмѣлился даже усомниться въ наследственности короны. Фердинандъ уничтожилъ милостивую грамоту и всѣ преимущества чиновъ, и въ то же время запретилъ употреблять богемскій языкъ въ судебныхъ мѣстахъ. Дворянство и граждане выучились по-нѣмецки; одни поселяне продолжали говорить языкомъ своихъ предковъ, и такимъ образомъ языкъ великаго народа сдѣлался простонароднымъ нарѣчіемъ. Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, Богемія была богата, счастлива, въ цвѣтущемъ состояніи; искусства и науки дѣлали вездѣ быстрые успѣхи. Послѣ победы католицизма, она сдѣлалась бѣдною, несчастною, невежественною, варварскою. Иезуиты такъ боялись распространенія просвѣщенія, что ходили по домамъ, воровали, жгли всѣ книги, какія могли найти. Слова *богемскій* и *рѣдкій* — были съ-тѣхъ-поръ тождественными, когда говорили о печатномъ сочиненіи. Самое одѣяніе побѣдителей мало-по-малу заступило мѣсто одѣянія побѣжденныхъ. «Я долженъ напомнить моимъ читателямъ» восклицаетъ историкъ Пельцель, окончивая свои разсужденія о слѣдствіяхъ битвы при Бѣлой-Горѣ, «что этой эпохой кончается исторія Богеміи и начинается исторія другихъ народовъ въ Богеміи.»

Нынѣ Богемію можно сравнить съ ея соборною церковью, некопченною, полу-разрушенною отъ лѣтъ и злодѣйствъ человеческихъ, и, однако, еще довольно прочно возобновленною, чтобы нѣкоторое время противостоятъ еще всѣмъ причинамъ разрушенія, ей угрожающимъ. Это двойное зданіе кончится ли когда-ни-

будь? — вотъ вопросъ, который можетъ рѣшить одна будущность.

Но мы довольно долго занимались католиками и протестантами; пора спуститься на берега Молдавы, къ Еврейскому-Городу (Judenstadt), къ темному лабиринту низкихъ и грязныхъ домовъ, въ которомъ напицкано, какъ пчелъ въ ульѣ, 10,000 прагскихъ Жидовъ. И однако они имѣютъ нынѣ право жить въ другихъ частяхъ города; они уже не обязаны всякой вечеръ приходить въ восемь часовъ; начальство велѣло снять ворота ихъ старой части. Нѣкоторые только богатые семейства доселѣ пользовались этимъ позволеніемъ.

Въ Австрійской Имперіи считаютъ Евреевъ не мене 652,000. Почти треть ихъ (265,000) живетъ въ австрійской Польшѣ, другая треть (250,000) въ Венгріи, шестая часть (110,000) водворилась въ Богеміи и Моравіи; остальные разсыяны небольшими обществами въ другихъ провинціяхъ имперіи. Въ Трансильваніи находится ихъ 3,500, въ Тироли 1,900, въ Далмаціи 500, въ Ломбардіи 2,000, въ Ломбардіи венеціанской 4,000, и проч. Эти числа доказываютъ, что Славяне и Майгары нѣкогда имѣли больше вѣротерпимости, въ отношеніи къ Евреямъ, нежели Нѣмцы и Австрійцы. Кромѣ того, тогда-какъ народонаселеніе въ Германіи и Италіи увеличивается, число Евреевъ замѣтно уменьшается съ каждымъ годомъ; напротивъ того, въ Венгріи оно умножается гораздо быстрѣе, нежели число другихъ классовъ народонаселенія.

Еврейское общество Праги гордится тѣмъ, что оно многочисленнѣе и древнѣе всѣхъ обществъ Австріи и даже Германіи. Если числительное его первенство предъ своими соперниками легко можно утвердить и нельзя оспаривать, то другое его притязаніе, кажется, не столь основательно. Въ самомъ дѣлѣ, историческіе авторитеты, съ которыми я совѣтовался по этому предмету, разнятся между собой десяти столѣтіями. Первое водвореніе Евреевъ въ Прагѣ, если имъ вѣрять, восходитъ, по меньшей мѣрѣ, къ 632 году эры христіанской; тотъ годъ вырѣзанъ на болѣе древнихъ гробницахъ ихъ кладбища. Богемцы, съ своей стороны, отрицаютъ подлинность этихъ надписей, или думаютъ, что вмѣсто 632, должно читать 1632; потому-что въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи имѣютъ обычай сокращать числа, отнимая первую цифру; такъ вообще

пишутъ 841, вмѣсто 1841. Если Евреи говорятъ правду, то ихъ общество въ Прагѣ существовало бы со времени славнаго славянскаго короля Само, соединившаго подъ одинъ скипетръ Богемію и Моравію.

Какъ бы ни думали объ этихъ противоположныхъ гипотезахъ, нельзя отрицать, что кладбище Евреевъ въ Прагѣ, не самой глубокой древности и не заслуживаетъ особливаго вниманія путешественниковъ, такъ же, какъ и ихъ синагоги.

Это любопытное кладбище находится въ самомъ сердцѣ еврейскаго города, и со всѣхъ сторонъ окружено строениями и тѣсными и темными переулками. Оно имѣетъ видъ весьма неправильный, ибо мѣстами расширяется, суживается и уклоняется отъ прямой линіи между домами, надъ которыми господствуютъ его высокія стѣны. Требуется четверть часа, чтобы обойти вокругъ его, идя добрымъ шагомъ. Оно такъ наполнено могилами, что уже не-гдѣ хоронить. Ихъ насчитываютъ сотни тысячъ; ибо онѣ столь же часты, какъ хлѣбныя колоса на полѣ. Всѣ надгробные камни сходны между собою; это небольшія четырехугольныя плиты, съ надписями, весьма чѣтко вырѣзанными; кромѣ нѣкоторыхъ, вросшихъ въ землю и почти совсѣмъ въ ней потерявшихся, я замѣтилъ, что онѣ почти всѣ совершенно сохранились. Тамъ и сямъ возносятся самбуки (sigeaux), единственные деревья, находимыя на кладбищахъ Богеміи, и кажется, столь же старыя, какъ надгробные камни, отъяемые узловатыми ихъ вѣтвями. Наконецъ, кромѣ широкой дороги, проведенной во всю длину внутренней стѣны, разныя тропинки позволяютъ проникнуть въ этотъ лѣсъ гробницъ и самбуковъ, и ведутъ къ порожнимъ и покрытымъ густымъ дерномъ холмикамъ.

Надписи почти всѣ на еврейскомъ языкѣ. Я не видалъ изъ нихъ ни одной богемской, но нашелъ много нѣмецкихъ. Число всегда обозначается сверху. Гробницы Ааронитовъ отличаются отъ другихъ двумя руками, вырѣзанными на камнѣ, а гробницы Левитовъ — кружками. Эти эмблемы напоминаютъ, что должность Левитовъ была — лить воду на руки Ааронитовъ, когда они дѣлали умовенія въ храмѣ.

Аарониты никогда не посѣщаютъ кладбища въ продолженіе своей жизни. Прикасаются къ трупу, даже подходить къ нему — значить оскверниться. Они также стараются оставлять тѣ дома, гдѣ есть покойникъ. Изъ этого общаго правила есть только

одно исключеніе. Когда отецъ Ааронита испуститъ послѣдній вздохъ, сынъ можетъ подойти къ его тѣлу на разстояніи трехъ метровъ и сопровождать его на мѣсто покоя, но долженъ оставаться на разстояніи трехъ метровъ отъ каждой могилы. Но въ Прагѣ улица идетъ вдоль ограды, и въ этомъ мѣстѣ многія могилы прикасаются къ стѣнѣ. Нѣкоторыя находятся даже подъ мостовою улицы. Итакъ, этотъ способъ сообщенія былъ бы воспрещенъ Ааронитамъ, еслибы не было сдѣлано особливыхъ распоряженій, чтобы пособить подобному неудобству. На улицѣ сдѣлали сводъ, и пустое пространство, оставленное между землею и могилами, извѣщаетъ проходящихъ отъ оскверненія; по закону, тридцать метровъ пространства, выведеннаго сводомъ, равняются 300 метрамъ твердой земли.

Въ Прагѣ, какъ и вездѣ, Евреи погребаютъ на особо отведенномъ мѣстѣ младенцевъ, раждающихся мертвыми, или прежде времени. Эта часть кладбища мало-по-малу сдѣлалась горкой въ восемьдесятъ шаговъ длины, въ десять широты и въ четыре метра высоты. Ее называютъ Ephet; это слово означаетъ младенцевъ, жившихъ не больше четырехъ недѣль.

У этого Ephet стоитъ нѣсколько ветхихъ домовъ, угрожающихъ паденіемъ. Они поддерживаются деревянными подпорками. Такимъ образомъ кости усопшихъ младенцевъ способныютъ поддержанію обветшалыхъ и пошатнувшихся жилищъ ихъ живыхъ родителей.

Около шестидесяти лѣтъ тому назадъ, императоръ Іосифъ запретилъ погребать мертвыхъ внутри города. Тогда Евреи купили за стѣнами мѣсто и освятили его. По ихъ законамъ, мѣсто, со времени его освѣщенія, не можетъ быть продано, но не запрещается отдавать его въ наемъ. Одинъ купецъ, торговавшій дровами, сдѣлалъ дровяной дворъ на порожней его части. Чтѣ до стараго кладбища, оно, не смотря на его цѣнность, вѣчно должно оставаться такимъ, какъ теперь; никогда не разроютъ его могилъ, чтобы на ихъ мѣстѣ сдѣлать постройки. Теперь оно служитъ прибижищемъ ворагъ и бѣглымъ, укрывающимся тамъ отъ всѣхъ поисковъ, и дѣти прилежащаго къ нему дома *пріюта* всякій день проводятъ тамъ часы своего отдохновенія.

Кромѣ этого дома пріюта и кошнитала, въ окрестностяхъ кладбища считаютъ двадцать Bessa Mederesch, или школъ, и восемь храмовъ, или синагогъ. Самая

древняя и самая занимательная из этих синагог называется Altneuschule. Напрасно стали бы искать в Праге и, смѣю сказать, во всей Германіи, строенія столь стараго, страннаго, темнаго, унылаго, закончлаго, вопиющаго и особливо столь грязнаго. Ни что не можетъ дать понятія о его внутренности. Я замѣтилъ только висѣщее у потолка знамя, подаренное Евреямъ Фердинандомъ III, въ концѣ тридцати-лѣтней войны, въ награду за ихъ патріотизмъ и мужество, оказанные ими во время осады Праги Шведами, въ послѣдній годъ этой войны.

Стѣна, толщиною въ пятьдесятъ сантиметровъ, отдѣляетъ отъ остальнаго храма часть синагоги, назначенной для женщинъ (*esoras nashim*); туда ведетъ узкая и темная лѣстница. Мѣстами, въ этой толстой стѣнѣ, пробиты отверстія въ четыре сантиметра шириною и въ одинъ метръ длиною. Слово Божіе доходитъ къ женщинамъ только чрезъ малыя отверстія. Такимъ образомъ, какое ни хранили бы онѣ глубокое молчаніе и съ какимъ вниманіемъ ни слушали бы, не всегда слышатъ его. Я замѣтилъ это одному Израильянину, указавшему мнѣ на это ужасное уединеніе: «Этого довольно для женщинъ» отвѣчалъ онъ мнѣ грубымъ голосомъ.

Когда я посѣтилъ Altneuschule, старый раввинъ проповѣдывалъ на обширномъ амвонѣ, возвышавшемся среди синагоги. Его слушатели такъ тѣснились вокругъ его, что многіе изъ нихъ всходили на амвонъ. Рой дѣтей окружалъ сѣдовласаго старца, который, казалось, былъ глухъ, и, обращая свое ухо къ проповѣднику, слушалъ съ набожнымъ вниманіемъ. Раввинъ не оставался, какъ католическіе или протестантскіе священно-служители, почти неподвижнымъ въ тѣсномъ пространствѣ, называемомъ *каведрою*; онъ свободно прохаживался во всю длину нѣкотораго рода сцены, на которой стоялъ; говорилъ весьма громко, но въ его рѣчи не доставало теплоты и жизни. Это была страшная смѣсь языковъ нѣмецкаго и еврейскаго, древней и новой исторіи, — смѣсь, почти непонятная и весьма скучная.

Перемены, съ нѣкоторыхъ лѣтъ введенныя разными еврейскими собраніями въ ихъ храмахъ, ни въ чемъ не измѣнили существенныхъ обрядовъ богослуженія, которые, относительно духа и формы, остаются тѣ же, какіе предписаны древними законами — преобразователи, во всемъ соображаясь съ буквою закона, старались сколько

можно избѣгнуть всего, что сдѣлало бы слишкомъ разительный контрастъ съ нынѣшнимъ состояніемъ нравовъ и успѣхами гражданственности. Такимъ образомъ, — приведу только три примѣра, — въ преобразованныхъ еврейскихъ храмахъ, женщины, по прежнему, отдѣлены отъ мужчинъ, по мѣсто каменной стѣны заступили желѣзныя рѣшетки; древніе гимны сохранились, по ихъ поютъ обученнымъ хоромъ; нынѣшнія проповѣди много похожи на прежнія, по проповѣдникъ, если хочетъ понравиться своимъ слушателямъ, поставяетъ себя долгомъ быть краснорѣчивымъ, выражаться языкомъ болѣе чистымъ и не приводитъ безпрестанно отрывки изъ священныхъ книгъ.

Первыя попытки реформы произошли въ Берлинѣ и Гамбургѣ. Толчокъ давъ былъ однажды, и всѣ прочіе города Германіи тому послѣдовали.

Сто Евреевъ составили общество въ Прагѣ построили новую синагогу и послали къ своимъ берлинскимъ и гамбургскимъ единовѣрцамъ депутацію, которой поручено было взять болѣе точныя и болѣе полныя наставленія относительно этой реформы богослуженія, и привести съ собою проповѣдника ученаго, благочестиваго и краснорѣчиваго. Первый выборъ былъ неудаченъ; но вскорѣ прибылъ въ Прагу Саксъ и получилъ такой успѣхъ, что протестанты и католики стекались въ синагогу слушать его. Я надѣялся быть при церемоніи, при которой онъ долженъ былъ говорить проповѣдь; къ несчастію, я пришелъ слишкомъ поздно, — его проповѣдь почти оканчивалась. Женщины съ мужчинами занимали низшую часть храма; только мужчины находились въ центрѣ, а женщины по обѣимъ сторонамъ. Хоры состояли изъ довольно значительнаго числа молодыхъ людей и дѣтей, одѣтыхъ въ черное платье, съ скуфейками, изъ чернаго бархата, на головахъ. Гимны, которые они пѣли, также переведены на нѣмецкій языкъ, и небольшой органъ аккомпанировалъ ихъ пѣнію.

Австрійское правительство доселѣ терпѣло и даже ободрило эти реформы, которыя не порождаютъ никакихъ религиозныхъ распрій, а между-тѣмъ могутъ имѣть важныя послѣдствія. Напрасно старые Евреи оказываютъ нѣкоторое отвращеніе отъ этихъ нѣмныхъ нарушеній закона; если преобразователи не перестанутъ быть умѣренными, они тотчасъ восторжествуютъ надъ всѣми сопротивленіями.

Богемскіе, польскіе и венгерскіе раввины продолжа-

ютъ жить по обычаю мудрецовъ Востока. Они всегда бывають готовы раздѣлять съ своими невѣжественными единовѣрцами драгоценныя сокровища своихъ познаній и подавать имъ совѣты или утѣшенія, въ которыхъ они имѣють нужду; ихъ, вѣрно, найдешь и на площади рынка; сидящихъ на открытомъ воздухѣ, подобно царямъ и судіямъ Востока, и дома, потому-что двери къ нимъ всегда отворены. Вообще, особливо въ праздничные дни, ихъ жены и дочери находятся въ передней, гдѣ съ любезностію принимаютъ гостей, которыхъ вводятъ потомъ въ приемную залу, въ присутствіи раввина, въ своемъ первосвященническомъ облаченіи сидящаго въ креслахъ, на краю длиннаго стола, окруженнаго множествомъ посѣтителей, иностранцевъ и друзей. Въ этомъ-то одѣяніи и въ этомъ-то положеніи я пашель, во время моего посѣщенія, главнаго раввина Праги, Рапппорта (*Garrport*). Израильяне магдебургскіе, гамбургскіе, варшавскіе и амстердамскіе тѣснились вокругъ его...

Изъ жилища этого славнаго раввина я отправился въ еврейскую ратушу, выстроенную богатымъ купцомъ, по имени Мейсселемъ. Мнѣ показали древнюю хартію общества, подписанную и утвержденную императорами и императрицами Австріи. Эта хартія сохранилась какъ неоцѣненное сокровище, хотя она даетъ своимъ владѣльцамъ одни и тѣ же преимущества, какими должны пользоваться всѣ подданные королевства, то есть, позволеніе существовать и поклоняться своему Богу. Съ высоты башни этого зданія, я обнявъ однимъ взглядомъ весь еврейскій городъ, съ одной стороны ограничивающійся рѣкой, а съ другой — рядомъ христіанскихъ церквей. Я увидѣлъ всѣ грязныя, тѣсныя, темныя улицы этого страшнаго города, кипѣвшія нищими, и всѣ кровли его страшныхъ домишковъ, скрывавшихъ отъ моихъ взоровъ столько неоприятности, горести и бѣдности. Тогда, невольно припоминая слова пророка Варуха, я спросилъ себя: ужели это проклятое племя дѣйствительно до конца вѣковъ будетъ испытывать на себѣ ужасныя дѣйствія гнѣва Господня?

Изъ ратуши Евреевъ пойдемъ прямо въ ратушу христіанъ, въ старую ратушу (*alte Rathhaus*), стоящую на площади *Grosse-Ring*, старое готическое, неправильное зданіе, относящееся къ первымъ годамъ пятнадцатаго столѣтія и имѣющее большую нужду въ поправкѣ. На дверяхъ его входа читали нѣкогда славящую, нынѣ почти стершуюся, надпись:

№ 14.

*Haes domus odit, amat, punit, conservat, honorat,
Nequitiam, pacem, crimina, jura, probos:
то есть:*

«Въ этомъ домѣ ненавидятъ, любятъ, караютъ, хранятъ, уважаютъ,

Распутство, миръ, злодѣйства, прана, честныхъ людей.»

Въ двѣ или три эпохи своей исторіи, жители Праги — инсургенты слѣдовали нѣкоторымъ образомъ смыслу этого двустишія; они, какъ мы выше сказали, по старому обычаю, бросали своихъ правителей за окно и принимали ихъ на коня и пики; но эти историческія событія такъ извѣстны, что бесполезно напоминать объ нихъ. Передъ этой-то ратушей, при звонѣ въ колоколъ, соединились Гусситы, въ 1420 году, подъ предводительствомъ Иоанна Зиски, чтобы идти разрушить всѣ церкви и всѣ монастыри, разсыпать католическіе алтари и учредить новое богослуженіе. Въ 1484, епископъ Августинъ, утраквистъ, среди этой площади, совершилъ таинство причащенія подъ двумя видами, при собравшемся народѣ. Въ 1621, послѣ битвы при Бѣлой-Горѣ, предводителя побѣжденной арміи были тамъ обезглавлены и изрублены въ куски, по приказанію императора Фердинанда. Въ 1633, Валленштейнъ велѣлъ тамъ казнить одиннадцать дворянъ — офицеровъ и нѣсколько солдатъ, военнымъ судомъ проговоренныхъ къ смерти, за ихъ побѣгъ съ поля Люцеской битвы. Въ одиннадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, давались тамъ турниры. Сколько воспоминаній на столь маломъ пространствѣ!

Передъ ратушей возвышается *Theinkirche*, готическая церковь, построенная въ 1407 году, иждивеніемъ нѣмецкихъ купцовъ, проживавшихъ въ Прагѣ. Она долгое время была главнымъ храмомъ Гусситовъ. Одинъ изъ славнѣйшихъ учениковъ Иоанна Гусса, Рокизанъ, долго проповѣдывалъ въ ней ученіе своего учителя. Его бранные останки были погребены въ ней подъ главнымъ алтаремъ, но въ 1622 году, католики вырыли ихъ и сожгли. Въ ней совершаютъ нынѣ католическое богослуженіе на богемскомъ языкѣ. Между надгробными ея памятниками, замѣчательнъ памятникъ Тихо-Браге, знаменитаго астронома, который поселился въ Прагѣ по приглашенію императора Рудольфа II, и тамъ скончался. Внизу грубо изваянной статуи, читаютъ его девизъ: «*Esse quam haberi* — лучше быть чѣмъ слыть.»

Выходъ изъ этой церкви, въ которой ученики Иоанна Гусса нѣкогда имѣли столько прозелитовъ, я спраши-

валъ у многихъ, есть ли теперь Гусситы въ Прагѣ. Всѣ отвѣчали мнѣ различно; одни говорили мнѣ *да*, другіе — *нѣтъ*: послѣдніе утверждали, что знаютъ одинъ домъ, въ который собираются для молитвы всѣ послѣдніе ученики Иоанна Гусса; а первые, лучше знающіе, говорили мнѣ, что этотъ потаенный храмъ давно уже обращенъ въ магазинъ. «Гусситовъ находятъ въ горахъ — отвѣчали мнѣ со всѣхъ сторонъ. Если нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ Прагѣ, то выдаютъ себя за протестантовъ.» Я положительно думаю, что въ Прагѣ нѣтъ Гусситовъ, открыто признаваемыхъ Гусситами; но я не сомнѣваюсь, что ихъ учение всегда тамъ сохраняется многими послѣдователями. Что до протестантовъ, ихъ въ 1839 году считали во всей Богеміи восемьдесятъ тысячъ, то есть, по два съ четвертью на сто.

Жители Праги довольно любятъ рассказывать, что изобрѣтатель пороха былъ Богемецъ, и что искусствомъ книгопечатанія человечество одолжено богемскому Славянину. Если вѣрить имъ, въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, въ богемскомъ городѣ Гуттенбергѣ или Куттенбергѣ, жилъ человекъ, по имени Іосифъ Tshastni. Онъ былъ очень свѣдушъ, и, по обычаю всѣхъ ученыхъ своего времени, свое богемское имя переименовалъ на латинское, и съ-тѣхъ-поръ называлъ себя *Фавстомъ*, ибо Tshastni значитъ *счастливый* (Faustus). Въ то же время, также соображаясь съ принятыми обычаями, къ своему собственному имени онъ прибавилъ имя города, въ которомъ родился, и такимъ образомъ вышелъ Іоаннъ Фавстъ Куттенбергъ. Въ 1421 году, войны Гусситовъ, со времени ихъ начатія, заставили его покинуть свое отечество, и онъ поселился въ Стразбургѣ, гдѣ, отказавшись отъ своего имени *Фавстъ*, просто назвался *Іоанномъ Гуттенбергомъ*. Въ подкрѣпленіе этого довода приводятъ слѣдующія слова, взятая изъ одной древней рукописи: *Postea quam artem librorum imprimendorum isdem Johannes Kutenbergensis Boemus, patria Kutenbergensis, prius Johannes Faustus nominatus, qui circa annum 1421, bella Hussitica subiens in Germaniam abiit, Strasburgi se Kutenbergium a patria ex more eius temporis et simul ut patriam suam ab inventione Typographiae commendaret, appellavit.*

Въ Прагѣ показываютъ еще тотъ домъ, въ которомъ, говорятъ, жилъ Фавстъ, и въ которомъ, назадъ тому много лѣтъ, учрежденъ институтъ глухо-нѣмыхъ.

Я видѣлъ также древнее жилище Иоанна Гусса, и при подошвѣ Градчина, дворецъ Валленштейна, построенный знаменитымъ Альбертомъ, герцогомъ Фриланскимъ, въ то время, какъ онъ въ первый разъ оставилъ начальство надъ императорскими арміями. Говорить здѣсь о Валленштейнѣ и тридцатилѣтней войнѣ, — была бы непростительная обида для нашихъ читателей. Итакъ, мы не подвергнемъ себя ихъ гнѣву, но сообщимъ имъ объ этомъ замкѣ и образѣ жизни его славнаго основателя нѣкоторыя подробности.

Дворецъ и сады этого царскаго жилища занимаютъ мѣсто ста домовъ, которые Валленштейнъ велѣлъ купить и скрыть до основанія. На этомъ обширномъ пространствѣ земли, когда она была очищена, возвысились громадныя зданія, которымъ планы сдѣланы были славнѣйшими архитекторами того времени. По окончаніи зданій, искусные артисты изъ всѣхъ странъ Европы пришли украсить ихъ фресками и живописью на маслѣ. Въ большой приемной залѣ, герцогъ Фриланскій велѣлъ изобразить себя на колесницѣ, запряженной четырьмя конями, съ лавровымъ вѣнкомъ и звѣздой, подобно римскому побѣдителю во время триумфа. Другія залы украшены были иносказательными картинами, а стѣны круглой комнаты, еще совершенно сохранившейся, и по-нынѣ покрыты мнѳологическими и астрологическими эмблемами, нарисованными, безъ сомнѣнія, самимъ Валленштейномъ, потому-что онъ всю свою жизнь занимался сокровенными науками, италянскій астрологъ, по имени Сени, постоянно жилъ въ его дворцѣ. Конюшни были не менѣ замѣчательны, какъ и главныя строенія; въ нихъ стояли триста коней, для упряжи или верховыхъ, и въ мраморныхъ ясляхъ ѣли назначенную имъ часть фуража. Къ несчастію, отъ этого великолѣпнаго жилища, въ первобытномъ положеніи, остается теперь лишь одна комната, о которой мы упомянули, небольшая церковь къ ней прилежащая, и родъ грота въ саду.

Валленштейнъ, всякое утро, вставши, принималъ множество поклоповъ. Шесть бароновъ и шесть кавалеровъ постоянно находились во второй передней, готовые къ исполненію его приказаній. Первую переднюю охраняли пятьдесятъ вооруженныхъ солдатъ, одѣтыхъ въ особую ливрею своимъ генераломъ.

Шестеро часовыхъ день и ночь ходили вдоль внутреннихъ стѣнъ; имъ было приказано — удалять всѣхъ подозрительныхъ людей, и въ особенности наблюдать,

чтобы никакой шумъ не проникалъ во внутренность дворца; Валленштейнъ не любилъ, чтобы его беспокоили во время его размышленій или забавъ. Шестидесять пажей, изъ дворянскихъ фамилій, приставлены были для услугъ къ его особѣ, и вельможи Богеміи спорили между собой о чести — посылать къ нему своихъ дѣтей. Во время путешествія, за нимъ слѣдовали пятьдесятъ каретъ, запряженныхъ въ четыре или въ пять лошадей для него и для его свиты, наконецъ пятьдесятъ прекрасныхъ верховыхъ коней. Его доходы простирались свыше шести милліоновъ долларовъ (около тридцати двухъ милліоновъ).

Между другими общественными и частными памятниками, которые я посетилъ, можно упомянуть еще о старой башнѣ, стоящей у моста Молдавы, къ Альштадту; эта башня благодаря присутствію духа и мужеству одного іезуита, воспрепятствовала Шведамъ, въ 1648 году, овладѣть этою частію города. Неизумляйтесь, что скульптуры, которыми была украшена эта подозрительная башня, почти совсѣмъ разрушены. Шведы, осаждали и бомбардировали ее безъ успѣха, въ продолженіе четырнадцати недѣль. Въ церкви Saint-Emaus, основанной въ 1348 году, у главнаго алтаря, я взглянулъ на знамена и оружія, взятая въ битвѣ при Бѣлой-Горѣ. Наконецъ университетъ или Carolinum, основанный также въ 1348 году, императоромъ Карломъ IV (нынѣшнія зданія относятся къ 1715), по плану парижскаго, напомнилъ мнѣ о его древней славѣ. Мнѣ любопытно было видѣть это заведеніе, которое, если вѣрить предположеніямъ, очевидно, преувеличеннымъ, считало не менѣ шестидесяти тысячъ воспитанниковъ, во время прежняго своего блеска. Безпрестанно возрастающая слава его профессоровъ и дарованныхъ студентамъ преимущества привлекали въ него, со всѣхъ странъ Европы, значительное число молодыхъ людей, раздѣлившихся на четыре націи: на *Богемцевъ*, включая сюда Моравцевъ и Венгерцевъ; на *Баварцевъ* или Австрійцевъ, Франконцевъ и Швабовъ; *Поляковъ* и Русскихъ; *Саксонцевъ*, то есть, Датчанъ и Шведовъ. Университетъ состоялъ тогда изъ восьми отдѣльныхъ коллегій, подобно оксфордскому и кембриджскому. Одна изъ этихъ коллегій называлась Carolinum. По кореннымъ постановленіямъ, всякая нація имѣла равный голосъ. Въ 1409 году, Іоаннъ Гуссъ, тогдашній ректоръ университета, покусился стѣснить преимущества иностранцевъ и дать

бблшій перевѣсъ Богемцамъ. Это несчастное покушеніе имѣло печальныя слѣдствія. Въ ту же самую недѣлю, двадцать пять тысячъ студентовъ оставили Прагу, и разсыпавшись по остальной Европѣ, основали университеты; лейпцигскій, гейдельбергскій и краковскій. Этотъ фактъ, засвидѣтельствованный всѣми современными историками, кажется почти невѣроятнымъ; нынѣ Германія гораздо населеннѣе чѣмъ когда-либо, просвѣщеніе въ пей вообще распространилось больше, а между-тѣмъ число всѣхъ студентовъ, во всѣхъ университетахъ, не равняется числу прагскихъ диссидентовъ.

Съ этого времени Carolinum сдѣлался главнымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ Іоаннъ Гуссъ и Іеронимъ прагскій преподавали новыя религиозныя мнѣнія. Но университетъ пораженъ былъ страшнымъ ударомъ, послѣ котораго не могъ уже возстать. Нѣмецкіе профессоры и студенты обратились съ горькими жалобами къ императору и папѣ, и тѣмъ ускорили трагической кончинѣ Іоанна Гусса. Во время смутъ, послѣдовавшихъ за исполненіемъ опредѣленія, сдѣланнаго констанскимъ соборомъ, прагскій университетъ часто былъ театромъ кровавыхъ сценъ, но продолжалъ оказывать сильное вліяніе на Богемію, потому-что остался точкою главнаго соединенія протестантовъ, главнымъ мѣстомъ ученій утракистовъ, и святынищемъ, въ которомъ сохранился, какъ священный залогъ, языкъ Чеховъ. Послѣ роковой битвы при Бѣлой-Горѣ, императоръ отпаялъ у университета его преимущества и богословскій факультетъ, перевелъ послѣдній въ коллегію іезуитовъ, названную Clementinum, уничтожилъ протестантскую вѣру и обратилъ Carolinum въ училище правовѣднія и медицины. Нынѣ онъ кажется достойнымъ древней своей славы, но воспитанниковъ въ немъ считается не больше трехъ тысячъ.

Clementinum, этотъ счастливый соперникъ Carolinum, есть обширное зданіе, находящееся у моста Молдавы и построенное въ 1653 году Фердинандомъ III, чтобы служить монастыремъ прагскихъ іезуитовъ. Въ немъ есть семинарія, которою управляетъ архіепископъ, и въ которой число воспитанниковъ никогда не превышаетъ трехъ сотъ; есть богословскій и философскій факультеты, принадлежавшіе некогда университету, — прекрасная бібліотека, разныя коллекціи и обсерваторія Тихо-Браге. Бібліотека, состоявшая 26 іюля 1841 года, изъ 99,888 томовъ, по совершенно

исправному каталогу, между прочими любопытными предметами, имѣть экземпляръ первой книги, напечатанный въ Богеміи (на немъ означенъ 1462 г.) и великолѣпную гусситскую рукопись священныхъ гимновъ, написанную и расцвѣченную (illustré) съ неслыханною роскошью. Пздержки на это твореніе, стоившія многихъ милліоновъ флориновъ, покрыты народною подлинскою. Главная зала украшена портретами разныхъ іезуитовъ и другихъ отличныхъ гражданъ Праги. Мнѣ показали Георга Плами, который, ставъ въ головѣ студентовъ, съ такимъ мужествомъ и успѣхомъ отстоялъ старую подзорную башню отъ нападеній Шведовъ; но я гораздо дольше остановился передъ прекраснымъ бюстомъ Моцарта, выставленнымъ въ залѣ, въ которой всѣ полки были уставлены твореніями этого великаго художника. Въ Прагѣ (нужно ли объ этомъ напоминать?) Моцартъ сочинилъ и поставилъ на сцену въ первый разъ свадьбу Фигаро и Донъ-Жуана. Такимъ образомъ, если вѣрить Богемцамъ, Нѣмцы долгое время были неспособны достойно оцѣнить божественнаго маэстро, и Моцартъ самъ говорилъ, что его нигдѣ такъ хорошо не понимали, какъ въ Прагѣ. «Отецъ мой» сказалъ мнѣ одинъ благородный Богемецъ, «пошелъ на кладбище посѣтить могилу Моцарта, но не могъ пайти ее, и могильщикъ, у котораго онъ объ ней разспрашивалъ, не зналъ даже имени безсмертнаго автора *Донъ-Жуана*.» Наконецъ онъ вскричалъ: — «Вы, можетъ быть, ищите могилы утонувшаго музыканта!...»

Въ библиотекѣ богемскаго патриотическаго общества, гдѣ, сказать мимоходомъ, я употребилъ много часовъ на осмотръ великолѣпной коллекціи національныхъ медалей, — мнѣ показали любопытные автографы Иоанна Гусса и Иоанна Зиски. До посѣщенія Богеміи, я всегда почиталъ Иоанна Гусса Нѣмцемъ, но по приѣздѣ въ Прагу, узнавъ, что онъ родился въ Чешской деревнѣ, отъ поселянъ славянскаго происхожденія; имя его (букву h произносятъ сильнымъ гортаннымъ голосомъ), есть простонародное прозванье его отца, означающее *гуся*. Гусситскія войны не только были войнами религиозными, но и народными. Возставая противъ императора и папы, Богемцы особенно хотѣли свергнуть съ себя иго иноземныхъ племенъ; они охотно простили бы имъ богословскія заблужденія, лишь бы навсегда остались свободными и счастливыми. Иоаннъ Зиска обыкновенно прибавлялъ къ

своему имени мѣсто своего рожденія; онъ подписывался: Zizka von Krotznow; впрочемъ, на нѣкоторыхъ его письмахъ подписано: Jean Zizka z'Kalicu, по имени замка, который онъ велѣлъ построить и которому далъ имя Kálicu. Странное дѣло! портретъ этого одноглазаго и слѣпаго генерала находятъ нынѣ въ главныхъ залахъ всѣхъ монастырей и всѣхъ замковъ богемскихъ, которые онъ разрушалъ или грабилъ въ продолженіе первыхъ годовъ пятнадцатаго столѣтія. Наконецъ, чтобы кончить автографами Праги, я долженъ упомянуть о любопытномъ своеручномъ прошеніи Тихо-Браге къ Рудольфу II, хранящемся во дворцѣ Czernin. Знаменитый астрономъ жаловался на капуциновъ, что они по ночамъ его беспокоили и мѣшали ему дѣлать хорошія наблюденія, безпрестанно звоня въ свои колокола. Въ слѣдствіе того, императоръ далъ повелѣніе этимъ ревностнымъ покаянникамъ — всякой день оканчивать свои молитвы до появленія звѣздъ.

Отъ публичныхъ или частныхъ библиотекъ легко перейти въ книжной лавкѣ. Итакъ, перенесемся въ тѣсную и темную улицу къ одному Нѣмцу, главному издателю новѣйшей богемской литературы. Мы встрѣтимъ тамъ нѣсколько молодыхъ патриотовъ, адвокатовъ, студентовъ или литераторовъ. Въ извѣстные часы дня, они приходятъ посмотрѣть или купить новыя изданныя книги иллирійскія, богемскія, польскія или русскія. Всѣмъ этимъ славянскимъ языкамъ нынѣ съ невѣроятнымъ жаромъ обучаются богемскіе патриоты и, — довольно замѣчательная встрѣча, — Русскіе также имѣютъ нынѣ истинную страсть къ языку богемскому, какъ Поляки къ иллирійскому.

Богемская литература обращается къ четыремъ разнымъ странамъ: къ Богеміи, Моравіи, части Силезіи, и землѣ Словаковъ въ Венгріи. Отсюда происходятъ, что богемскіе журналы (wlastimil, напимѣръ) печатаются по четыремъ угламъ листа слѣдующія слова: Slezan, Czech, Slovak, Moravan, то есть, Силезскія, Богемскія, Словакскія и Моравскія.

Между объявленіями 1841 года, я замѣтилъ Semski Sud, или древнее законодательство Богеміи. Австрійскіе цензоры долго отказывали этому сочиненію въ своемъ imprimatur, потому-что въ немъ есть разныя мѣста, неблагопріятствующія Нѣмцамъ; но правительство, во многомъ ослабившее свою строгость, наконецъ дало позволеніе, — и книга вышла... кромѣ

нѣкоторыхъ отсѣченій, которыхъ требовала необходимость.

Пять лѣтъ тому назадъ, Богемія не имѣла современной или *живой* литературы. Въ это время, остальная Европа рѣдко слышала, чтобы говорили о славянскихъ народахъ, жившихъ подъ игомъ германскаго племени. Нѣкоторые путешественники послѣдняго столѣтія были даже такъ просты, что изумлялись въ печатныхъ вѣдомостяхъ, что провинціальныя Богемцы говорили на нарѣчій, совершенно непонятномъ для Нѣмца. Немногіе только изъ ученыхъ, да и то сбивчиво и неопредѣленно, знали, что нѣкоторыя страны Германіи населены людьми славянскаго происхожденія. Въ эти послѣдніе годы дѣла совсѣмъ перемѣнились: Богемія теперь не только имѣетъ народную литературу, но г. Юнгманъ подарилъ ее превосходнымъ богемскимъ словаремъ, который стоилъ ему многолѣтнихъ трудовъ, и который онъ издалъ своимъ издвнѣніемъ. Быть-можетъ эти попытки къ возрожденію кончатся какимъ-нибудь важнымъ и продолжительнымъ результатомъ.

Въ Прагѣ много говорятъ о *господахъ чинахъ* (Herrenstaende), и имъ приписываютъ много такого, чего они не имѣли чести сдѣлать. Нѣкогда они избирали королей и имѣли великую власть; нынѣ они не имѣютъ уже никакой дѣйствительной власти. Нѣкогда они были представителями главныхъ городовъ Богеміи; теперь весьма немногіе депутаты городовъ должны только занимать мѣсто на скамьѣ, въ родѣ маленькаго стула, на краю залы засѣданій. Господа Чины состоятъ нынѣ въ Богеміи изъ главныхъ членовъ дворянства, графовъ, князей и бароновъ *царствующихъ*, то есть, изъ начальниковъ семействъ, владѣющихъ имуществомъ своихъ предковъ.

Самый высокій сановникъ Богеміи, по король, есть *оберъ-бургъ-графъ*. Этотъ могущественный сановникъ имѣетъ у себя ассистентами четырнадцать совѣтниковъ правленія или guberniatroethe, и вице-президента. Такимъ образомъ королевство, какъ я уже сказалъ, раздѣляется на шестнадцать округовъ, управляемыхъ, сверхъ того, капитаномъ и тремя комиссарами. Богемскимъ правленіемъ (Landscrifiegung) называютъ эту постепенный списокъ общественныхъ чиновниковъ, начиная отъ *оберъ-бургъ-графа* до комиссара округа (Kreieissmissar). Почти всѣ эти должности замѣнены членами древнихъ дворянскихъ фамилій Богеміи.

Это богемское правленіе, подобно правленіямъ Галиціи, Моравіи, Австріи и проч., состоитъ подъ надзоромъ соединеннаго надворнаго суда канцеляріи, находящейся въ Вѣнѣ. Начальникъ этого центрального министерства есть главный канцлеръ, имѣющій помощниками канцлера суда, двухъ вице-канцлеровъ и столько же надворныхъ совѣтниковъ, сколько есть провинцій, подвѣдомыхъ суду канцеляріи. По странному злоупотребленію словъ, этому верховному суду даютъ титулъ величества, и обращаясь къ нему, всегда говорятъ: «ваше величество, надворный судъ.» Такимъ образомъ въ Австріи сдѣлалась народною слѣдующая поговорка: «царствуетъ не императоръ, а канцелярія».

У меня остается много предметовъ для разсужденія, но ваше терпѣніе, должно быть, истощено, и я не хочу поссориться съ вами. По какъ бы вы ни устали, вы не откажете мнѣ, — я напередъ въ этомъ увѣренъ, — еще послушать меня нѣсколько минутъ; я хочу сказать вамъ о прекрасной половинѣ рода челоувѣческаго. Любите ли вы прекрасныхъ женщинъ? идите въ Прагу и проведите праздничный день въ Farberinsel, или на *островъ красильщиковъ*, — и вы будете истинно счастливы. Вы не довѣряете моему вкусу? Я опираюсь на такихъ авторитетахъ, съ которыми вы охотно согласитесь. Карлъ IV, какъ вы знаете, называлъ Прагу садомъ утѣхъ (hortus deliciarum). Тиціанъ, который до осьмидесяти-шести лѣтъ своей жизни писалъ портреты прекраснѣйшихъ женщинъ, и который провелъ пять лѣтъ въ Германіи, при дворѣ Карла V, торжественно объявлялъ, что свой *идеаль* женской красоты онъ нашелъ между прагскими дамами. Кромѣ того, эти дамы такъ же добры, какъ и прекрасны. Можетъ быть, я былъ бы въ правѣ обвинять ихъ въ слабости, мнѣ сказывали, — но я весьма остерегаюсь повторять это, — что въ 1828 году, напимѣръ, на 3955 дѣтей, родившихся въ Прагѣ, насчитывали 1404 *незаконнорожденныхъ*.

Теперь пора вѣхать, и пришедши на середину моста Молдавы, передъ статуей Иоанна Непомюка, обнявъ однимъ взглядомъ шпицы, колокольни, церковныя куполы, башенки, минареты безчисленныхъ публичныхъ зданій, возвышающіеся на обоихъ берегахъ рѣки, или вѣтчающіе холмы Градчина, Виссерата, Лаврентіевой-Горы, или горы Зиски. Мы скажемъ послѣднее *прости* этому славному и любопытному городу, котораго народонаселеніе не превышаетъ однако же 120,000 жи-

телей, и сядемъ въ *stellwagen*, готовый ѣхать въ Будвейсъ; изъ Будвейса желѣзная дорога приведетъ насъ въ Линцъ, а изъ Линца Дунай. Эта большая дорога, перенесетъ насъ въ девять или въ десять часовъ въ Вѣну.

Смѣсь.

ЛЕДИ СЭЛЬ. Шестаго января 1842 года, англійская семнадцатитысячная армія отступила отъ Кабула, въ намѣреніи возвратиться въ Джеллабадъ. Семь дней спустя, въ этотъ городъ явился докторъ Брайдонъ, покрытый ранами и изнуренный усталостію, и принесъ своимъ соотечественникамъ печальную вѣсть, что вся армія, въ которой было четыре съ половиною тысячи солдатъ и тысячъ двѣнадцать слугъ, женщинъ и дѣтей, погибла въ ущельяхъ Курдъ-Кабулъ. Это извѣстіе, къ несчастію, было справедливо. Впрочемъ, докторъ Брайдонъ ошибся: не одинъ онъ избавился отъ смерти. Нѣсколько женщинъ, дѣтей и офицеровъ, задержанныхъ въ видѣ плѣнниковъ и заложниковъ, должны были возвратиться, восьмью мѣсяцами позже, къ своимъ семействамъ и сообщить Англій и Европѣ подробное описание всѣхъ своихъ страданій.

Въ числѣ этихъ плѣнниковъ и заложниковъ находилась жена генерала Сэля, командовавшего первоею бригадою. Разлучившись съ мужемъ девятнадцатаго октября 1841 года, не задолго до возстанія Афганцевъ, леди Сэль соединилась съ нимъ уже двадцатаго сентября 1842 года. Въ продолженіе этого времени, она вела свой дневникъ, гдѣ отмѣчала всѣ происшествія, случившіяся передъ ея глазами. Мы заимствуемъ изъ этого дневника нѣкоторыя подробности о несчастныхъ событіяхъ, оставшихъ горестныя воспоминанія въ лѣтописи англійскаго владычества въ Индіи.

Мы сказали, что англійская армія выступала въ дорогу шестаго января. Въ этотъ день Англичане могли пройти только пять миль; въ четыре часа вечера они расположились лагеремъ. Погода была суровая; земля была покрыта довольно толстымъ слоемъ снѣга. Нѣсколько сотъ мужчинъ и женщинъ умерли отъ голода и холода въ эту ужасную ночь, которая, какъ-будто была предвѣстницею еще ужаснѣйшихъ несчастій.

Седьмого, въ восемь часовъ утра, авангардъ выступилъ въ путь; но по мѣрѣ того, какъ Англичане приближались къ ущельямъ Курдъ-Кабула, Афганцы, прикрывавшіе отступление, начали обнаруживать боѣе и боѣе свою дерзость и наглость. По временамъ, между Англичанами и ихъ врагами, завязывался кровопролитный бой. Настала ночь еще ужаснѣе первой.

Утромъ восьмага января, земля была устлана трупами; сипаи зажигали свое платье, чтобы отогрѣть окаменѣвшіе члены; англійскіе солдаты, умирая отъ холода и голода, едва могли тащить ноги и нести свое оружіе. Въ арміи сдѣлался безпорядокъ. Между-тѣмъ Афганцы открыли огонь, и Акбаръ-Ханъ потребовалъ нѣсколько англійскихъ офицеровъ въ заложники, обѣщая, подъ этимъ условіемъ, защищать Англичанъ отъ всякаго нападенія, во время перехода курдъ-кабульскихъ ущелій. Его требованіе было исполнено, и авангардъ вступилъ въ дефиле. Но пусть леди Сэль расскажетъ первый эпизодъ этого ужаснаго отступленія.

«Стуртъ, мой зять, моя дочь, господинъ Мейнъ и я, ѣхали впередъ. Едва мы проѣхали полмили, какъ послышалась сильная стрѣльба. Съ вершинъ посыпалась на насъ градъ пуль. Стуртъ былъ убитъ. До меня долетѣла одна пуля и ударила въ мою руку, три другія пробили мою шубу, но не задѣли меня. Высоты, занятія непріятельскими стрѣлками, были слишкомъ незначительны, а мы спаслись отъ нихъ только тѣмъ, что пустили нашихъ лошадей въ галопъ, тогда-какъ по такой дорогѣ, во всякомъ другомъ случаѣ, благороднѣе было бы ѣхать шагомъ.»

Леди Сэль получила только легкую рану; но въ этотъ день погибло въ ущельи до пяти-тысячъ человекъ. Въ продолженіе ночи, смерть собрала еще новую жертву въ лагерь Англичанъ.

Девятаго января, Акбаръ-Ханъ, для избѣжанія новыхъ опасностей, предложилъ принять подъ свою непосредственную защиту женщинъ и дѣтей, обязавшись проводить ихъ до Джеллабада. Это предложеніе было принято, и леди Сэль вмѣстѣ съ своею овдовѣвшею дочерью, отдѣлилась отъ англійской арміи, которая должна была погибнуть спустя три дня.

Но сирдаръ не сдержалъ своего слова. Вмѣсто Джеллабада, онъ отвелъ своихъ плѣнниковъ въ крѣпость Буддабадъ, гдѣ они прожили до десятаго апрѣля, заключенные въ пяти различныхъ комнатахъ. Въ числѣ этихъ плѣнниковъ, кромѣ леди Сэль, находились мистрисъ Треворъ, съ семерыми дѣтьми и служанкою, мистрисъ Смйтъ, мистрисъ Стуртъ и поручикъ Валлеръ съ женою и сыномъ.

Одиннадцатаго апрѣля, плѣнники оставили крѣпость и были переведены въ Сандухъ, а оттуда въ Кабулъ. Леди Сэль была заключена въ крѣпость Али-Могаммеда, въ трехъ миляхъ отъ города. Сначала ей отвели какую-

то конюшню; но когда жены Али-Могаммеда переѣхали въ другую крѣпость, ей позволили жить въ ихъ комнатѣ.

Но леди Сэль еще разъ должна была оставить Кабулъ и отправиться въ Бамканъ. Между-тѣмъ приближался день освобожденія. Армія генерала Поллока подвигалась къ Кабуду. Акбаръ-Ханъ оставилъ столицу. Двадцать-перваго сентября, плѣнники снова возвратились въ Кабулъ, гдѣ наши уже побѣдоносную англійскую армію.

Не смотря на эти частныя переселенія и на трудности дороги, леди Сэль отдаетъ должную справедливость благородству и великодушію Акбаръ-Хана. «Съ нами обходились такъ хорошо, говоритъ леди Сэль, какъ только плѣнники могутъ ожидать въ подобной странѣ.»

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ЯПОНИИ.
Японскія женщины. — Воспитаніе. — Брачныя союзы. — Повседневная жизнь Японцевъ. Жизнь Японцевъ представляеть рѣзкую противоположность съ жизнью европейскіхъ народовъ. Объ Японцѣ скорѣе можно сказать, что онъ прозябаетъ, чѣмъ живетъ. Всѣ его дѣйствія, всѣ поступки, всѣ приемы подведены подъ извѣстную мѣрку, подчинены опредѣленнымъ правиламъ, ограничены неизмѣнными законами; уставъ этикета слѣдуетъ за каждымъ его шагомъ и часто заставляеть дѣйствовать вопреки чувствамъ и наклонностямъ. Чтобы изобразить эту неподвижную жизнь, начнемъ съ состоянія японскихъ женщинъ.

Къ чести Японцевъ надо сказать, что женщины у нихъ получаютъ столько же полное образованіе, какъ и мужчины. Отъ этого, въ спискѣ знаменитыхъ японскихъ историковъ, моралистовъ, поэтовъ и литераторовъ, встрѣчается множество женскихъ именъ. Вообще женщины въ Японіи отличаются свѣтскостію и пріятными приемами. По внушенію одного чувства чести, онѣ сохраняють строгія правила нравственности, такъ-что невѣрность въ супружеской жизни считается въ Японіи безвѣстнымъ явленіемъ. Правда, нравственное чувство находитъ еще твердую опору въ сознаніи, что за первымъ проступкомъ послѣдуетъ неизбежная смерть.

Съ другой стороны, японскія женщины цѣлую жизнь находятся въ полной зависимости отъ отцевъ, мужей и даже сыновей. Онѣ не имѣютъ никакихъ гражданскихъ правъ. Законная жена управляетъ домою; но мужъ можетъ содержать столько женъ втораго разряда, сколько ему угодно, и имѣеть неограниченное право на разводъ съ первою; только въ этомъ случаѣ онъ обязанъ дать покинутой женѣ содержаніе. Но онъ можетъ уклониться отъ этой обязанности, если найдетъ какое-нибудь основаніе для развода. Что касается до женщины, она ни подъ какимъ видомъ не смѣетъ требовать развода. Японцы считаютъ своихъ женъ такими существами, которыя созданы для ихъ развлеченія, которыя должны забавлять ихъ своею бесѣдою и своими талантами; отъ нихъ скрываются не только общественныя, но и частныя дѣла му-

жей, и малѣйшій вопросъ объ этомъ считается непростительною дерзостію. Значитъ, положеніе женщины въ Японіи немногимъ лучше, чѣмъ на мусульманскомъ востоцѣ.

При первыхъ признакахъ беременности, женщина должна перевязаться поясомъ изъ краснаго крена, что исполняется съ большою торжественностію и особыми религиозными обрядами. По рассказамъ японскихъ ученыхъ, это обыкновение сохраняется въ воспоминаніе вдовы одного государя, которая, по смерти своего мужа, осталась беременною; но не смотря на то, она перевязалась шарфомъ и, явившись къ осиротѣвшему войску, окончила завоеваніе Кореи. Женщина носитъ этотъ шарфъ до самаго разрѣшенія отъ бремени. По это еще не все. Послѣ родовъ, она должна провести девять дней и девять ночей въ непрерывномъ бодрствованіи, сидя на своей постели. По истеченіи ста дней, она можетъ снова принятись за домашнее хозяйство и посѣщать фамильный храмъ; но до того времени, считается болыною.

Новорожденное дитя, въ тридцатый или въ тридцать-первый день послѣ рожденія, получаетъ имя. Тогда ребенка приносятъ въ фамильный храмъ, куда являються слуги съ платьемъ для малютки и служанка съ золотыми монетами для жрицы и съ запискою, на которой написаны три имени. Жрица подноситъ эту записку богинѣ храма и, черезъ нѣсколько минутъ, объявляетъ имя, какое угодно было богинѣ выбрать для ребенка. Этотъ обрядъ оканчивается гимнами, которые поются подъ музыку. Послѣ того приносятъ ребенка въ нѣкоторые другіе храмы и, наконецъ, къ ближайшему родственнику, который даритъ ему конопляный поясъ, амулеты и два опахала съ изображеніемъ двухъ мечей. Три года ребенокъ остается совершенно нагимъ; потомъ одѣваютъ его въ самое простое платье. Но на осьмомъ году онъ получаетъ церемониальный плащъ и новое имя, которое дается ему съ особыми обрядами, такъ-какъ вообще каждая перемѣна, каждая новая эпоха жизни у Японцевъ освящается какимъ-нибудь религиознымъ обрядомъ.

Школы въ Японіи раздѣляются на элементарныя и высшія. Въ первыхъ принимаются всѣ дѣти, безъ различія пола и состоянія; здѣсь обучаютъ читать и писать и преподають краткую отечественную исторію. Въ низшемъ сословіи, это образованіе считается столько необходимымъ, что не найдете ни одного мастераго и рабочаго, который бы не обучался въ элементарной школѣ. Дѣти знатныхъ и богатыхъ людей переходять отсюда въ высшія училища, гдѣ знакомятъ ихъ съ нравами и обычаями, приличными благовоспитанному человеку; здѣсь они изучаютъ всѣ законы этикета и всѣ формы вѣжливости, которыя разнообразятся до безконечности, смотря по различнымъ общественнымъ отношеніямъ. Однимъ изъ главныхъ предметовъ, какіе изу-

чаются въ этихъ школахъ, считается календарь, потому что Японцы, предпринимая какое-нибудь дѣло, всегда соображаются съ расположеніемъ созвѣдій. Здѣсь же преподается ариметика и всѣ тайны *гаракити*, то есть, искусства распарывать себѣ брюхо; каждый благовоспитанный Японецъ долженъ окончить свою жизнь не иначе, какъ распоровъ себѣ брюхо. Ученики не только знакомятся съ лучшею методою этой операціи и обрядами, съ какими она должна совершаться, смотря по обстоятельствамъ, но узнаютъ и всѣ случаи, въ которыхъ честный и благородный человѣкъ непременно долженъ прибѣгнуть къ самоубійству такого рода.

Въ продолженіе этого періода жизни, родители одѣваютъ своихъ дѣтей очень дурно, такъ-что ихъ бѣдные, грязные костюмы составляютъ рѣзкую противоположность съ богатыми, роскошными нарядами матерей. Это считается предохранительнымъ средствомъ противъ дурнаго глаза постороннихъ, которые стали бы любоваться хорошо-одѣтымъ ребенкомъ. Воспитаніе оканчивается на шестнадцатомъ году. Тогда молодому человѣку брѣютъ голову и даютъ еще новое имя. Впрочемъ, это третье имя нельзя считать послѣднимъ. Чиновникъ принимаетъ новое имя съ полученіемъ каждаго новаго чина; кромѣ того, подчиненный не имѣетъ права называться однимъ именемъ съ своимъ начальникомъ, и, въ случаѣ такого столкновенія, долженъ принять новое имя.

Брачные союзы у Японцевъ заключаются довольно рано. Неровные браки считаются предосудительными; потому даже лица среднихъ классовъ принуждены жениться на такихъ дѣвицахъ, которыхъ они никогда не видѣли. Напримѣръ, нагазакскій казначей — лице еще не слишкомъ важное, между-тѣмъ его дѣти, не находя въ Ядо соотвѣтствующей своему состоянію партіи, должны поступать въ родство съ семействами другихъ казначеевъ, часто въ отдаленныхъ городахъ. Если же нѣтъ подобныхъ препятствій, то молодой человѣкъ, чувствуя расположеніе къ какой-нибудь дѣвушкѣ равнаго состоянія, открываетъ свои чувства тѣмъ, что пригѣшиваетъ къ дому ея родителей вѣтку одного кустарника. Если родители дѣвушки берутъ эту вѣтку себѣ, то этимъ выражается ихъ согласіе на бракъ; въ противномъ случаѣ, ее бросаютъ прочь. Для того, чтобы открыть свои взаимныя чувства въ молодому человѣку, дѣвушка чернитъ свои зубы. Брачный договоръ заключается между друзьями жениха и подругами невесты. Послѣ этого выбираютъ два счастливыхъ дня: одинъ для свиданія будущихъ супруговъ, другой для свадьбы. Между-тѣмъ женихъ посылаетъ невестѣ различные подарки, смотря по своему состоянію; невеста вручаетъ ихъ своимъ родителямъ, какъ знаки своей благодарности за воспитаніе. Впрочемъ, дѣвушка выходитъ за-мужъ не съ пустыми руками; кромѣ того, что она отдариваетъ жениха кое-какими бездѣлками, родители, предавши огню ея куклы и игрушки, надѣляютъ ее приданымъ и всѣми вещами,

необходимыми въ хозяйствѣ. Въначальный обрядъ ограничивается тѣмъ, что невеста зажигаетъ свой факелъ отъ жертвеннаго огня; то же, съ своей стороны, дѣлаетъ и женихъ, и тогда оба считаются повѣчанными. Повобрачная одѣвается въ бѣлое платье; покрывало такого же цвѣта, наброшенное на голову, спускается до самыхъ плечъ и обвиваетъ все ея тѣло, въ родѣ савана, — это знакъ, что съ-этихъ-поръ женщина какъ-будто умираетъ для родной семьи и принадлежитъ только своему мужу. Въ такомъ нарядѣ, она садится въ паланкинъ и, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и знакомыхъ, отправляется въ домъ супруга. Здѣсь, въ одной залѣ, она находитъ красивый столъ, на которомъ нарисованы ель, слива, журавль и черепаха; эти символы изображаютъ силу мужа, красоту жены и ихъ долгую и счастливую жизнь. На другомъ столѣ стоитъ сосудъ съ *саке*, единственнымъ напиткомъ, извѣстнымъ въ Японіи. Повобрачная садится за этотъ столъ и, разливая *саке*, угощаетъ имъ посѣтителей. Все это соединено съ безчисленными церемоніями. Такъ оканчивается торжество бракосочетанія, послѣ котораго открывается свадебный пиръ. Этотъ пиръ совершается безъ роскоши и пышности, въ воспоминаніе нравовъ древнихъ Японцевъ, которые славились умѣренностію и простотою.

Мужчины въ Японіи нисколько не обременены работою и важными занятіями; даже должностныя лица имѣютъ много свободнаго времени. День проходитъ, большею частью, въ исполненіи разныхъ обязанностей, предписанныхъ этикетомъ, наприимѣръ въ корреспонденціи и въ пересылкѣ подарковъ. Чиновные Японцы только и знаютъ, что переписываются другъ съ другомъ и мѣняются подарками. Въ иныхъ случаяхъ, подарки предписываются закономъ, который опредѣляетъ и достоинство ихъ; но въ другихъ, — выборъ подарка предоставляется произволу. Впрочемъ, есть общее правило, что начальникъ долженъ дарить своего подчиненнаго только полезными вещами, а подчиненный — своего начальника рѣдкими и любопытными вещами. Между товарищами, тетрадь бумаги, или должина лицъ могутъ быть приличнымъ подаркомъ; только надо переслать это въ красивой, обвязанной шелковою ленточкою, корзинкѣ и подать на тарелкѣ съ пучкомъ цвѣтной бумаги. Кромѣ того, при каждомъ подаркѣ слѣдуетъ приложить кусокъ сушеной рыбы самаго обыкновеннаго разряда. Сушеная рыба составляетъ необходимое блюдо въ каждомъ, какъ простомъ, такъ и пышномъ обѣдѣ; это служитъ воспоминаніемъ о древнихъ Японцахъ, которые главнымъ образомъ кормились сушеною рыбою.

Повседневная жизнь Японцевъ также опредѣлена кодексомъ этикета. Если два благовоспитанныхъ человѣка встрѣчаются другъ съ другомъ на улицѣ, то низко кланяются одинъ другому и остаются въ такомъ положеніи нѣсколько времени. При утреннихъ визитахъ, хо-

зяинъ и гость сначала присѣдаютъ на свои пятки, потомъ кланяются, опираясь руками о полъ, а голову о колыба, и въ это время высказываютъ привычныя привѣтствія: послѣ того пьютъ чай, курятъ табакъ и начинаютъ разговоръ. Наконецъ, подаютъ конфеты и другія лакомства. Чего посѣтитель не можетъ съѣсть, то завертываетъ въ бумагу и уноситъ со собою. Этотъ странный обычай не считается неприличнымъ и въ высшемъ кругу; гости, приглашенные на какой-нибудь пиръ, приводятъ вмѣстѣ съ собою слугъ, которые убираютъ въ корзинки все, что останется отъ пира. Обѣдъ обыкновенно состоитъ изъ семи или осьми блюдъ; при каждой перемѣнѣ кушанья, хозяинъ встаетъ съ своего мѣста, обходитъ кругомъ стола и съ каждымъ гостемъ пьетъ бокалъ *саке*.

СУДЪ ВОЖІЙ У МАЛЬГАШЕЙ. Одинъ путешественникъ, наблюдая нравы Мальгашей, жителей острова Мадагаскара, имѣлъ случай познакомиться съ ихъ судебными испытаніями, напоминающими Судъ-Божій среднихъ вѣковъ. Вотъ что рассказываетъ онъ объ этихъ странныхъ способахъ открывать истину.

«Разъ, какъ я разговаривалъ съ Савокомъ, начальникомъ племени, о обычаяхъ его соотечественниковъ, пришелъ къ нему какой-то человѣкъ и сказалъ: «Ампавзака, мой братъ, колдунъ: своими наговорами онъ моритъ лошадей и народъ; надо дать ему *тангинъ*. Вотъ головки и лапки цыплятъ доказываютъ, что я справедливо обвиняю его.» Начальникъ послалъ доносчика къ судѣ, приказавъ ему точчасъ возвратиться къ себѣ, какъ скоро получитъ рѣшеніе.

Я попросилъ Рапеланелу рассказать мнѣ, какое отношеніе могли имѣть изрубленные цыплята съ колдовствомъ, какую силу имѣло ихъ свидѣтельство противъ обвиняемаго, и какихъ слѣдствій надо было ожидать отъ процесса безъ явныхъ доказательствъ, потому-что обвиненіе основывалось на воображаемомъ преступленіи. Рапеланела тотчасъ отвѣчалъ на мои вопросы и объявилъ мнѣ все дѣло.

Тангинъ — самый сильный растительный ядъ, употребляемый Мальгашами въ судебныхъ процессахъ, преимущественно надъ колдунами. Эти процессы, большею частью оканчиваются насильственной смертію подсудимыхъ.

Доносчикъ сначала обращается къ судѣ, который отсылаетъ его къ *ампангинку*. Послѣдній, разузнавъ причины его подозрѣній, начинаетъ свои предварительные опыты надъ цыплятами. Заставивъ цыпленка проглотить *тангинъ*, растворенный въ нѣсколькихъ капляхъ воды, онъ говоритъ ему: «Если ты вышелъ изъ чрева быка, то умри!» Если цыпленокъ умретъ, это считается уликою противъ обвиняемаго. Потомъ онъ производитъ обратный опытъ, приговаривая: «Если ты вылучился изъ личной скорлупы, то умри! а если вышелъ

изъ чрева быка, живи!» если цыпленокъ умретъ, это будетъ новая улика.

Это испытаніе повторяется до семи разъ, и если три раза будутъ въ пользу доносчика, *ампангинъ* отдается ему головки и лапки мертвыхъ цыплятъ. Доносчикъ, извѣстивъ предварительно начальника, представляетъ эти улики судѣ, который назначаетъ день *сагам* или процесса. «Если ты хочешь, прибавилъ мой толмачъ, присутствовать при пыткѣ, начальникъ не откажетъ тебѣ; но ты долженъ будешь отправиться съ нами въ лѣсъ, ночью, накануне пытки.»

Я принялъ это предложеніе. Доносчикъ уведомилъ начальника, что завтра назначенъ день *сагам*. Потому, въ тотъ же вечеръ я отправился въ лѣсъ вмѣстѣ съ другими. Долго шли мы по лѣсу, и наконецъ достигли до одного ручья, протекавшаго въ такомъ мѣстѣ, откуда можно было видѣть первые лучи солнца. Была уже ночь. При блѣдномъ мерцаніи луны, изъ-за тумана выказывалась вдали хижина, слѣпанная изъ свѣжихъ вѣтвей: то былъ *траонъ-фоди*, какъ называютъ Мальгаша, то есть *домъ покаянія*, къ которому запрещено приближаться.

Въ этой таинственной хижинѣ должны провести ночь, накануне пытки, судья, свидѣтели, обвиняемый, *ампангинъ* и наконецъ всѣ, кто будетъ присутствовать при процессѣ. Мы вошли туда, какъ скоро разложили тамъ огонь. Судья поставилъ при входѣ двухъ часовыхъ которымъ приказалъ оставаться на своихъ мѣстахъ до разсвѣта.

Потру мы искупались въ соседнемъ ручьѣ. Обвиненный стоялъ на дугу, совершенно нагой, а присутствующіе собрались кругомъ него, для совѣщанія. Тогда судья началъ *сагам*, объявивъ собранію причины и цѣль суда. Послѣ этого *ампангинъ* подошелъ къ обвиненному и растворивъ въ водѣ, зачерпнутой изъ ручья листкомъ равнала, нѣсколько лдовитаго порошка, заставилъ его проглотить этотъ приемъ. Черезъ двѣ или три минуты, несчастному подали чашку воды.

Между-тѣмъ ядъ началъ дѣйствовать; у бѣдняка сначала выступилъ холодный потъ, затѣмъ слѣдалось сильное первое раздраженіе, а черезъ минуту послѣдовалъ обморокъ. Тогда какъ страдалецъ боролся съ дѣйствіемъ яда, *ампангинъ* говорилъ ему: «Братъ, если *тангинъ* причиняетъ тебѣ столь жестокаго страданія, это значитъ, что ты виновенъ еще въ другихъ преступленіяхъ. Въ молодая лѣта ты, быть-можетъ, противозаконно поступалъ съ матерью, сестрою или другою какою-нибудь родственницею; сознайся въ твоихъ преступленіяхъ, покайся въ твоихъ грѣхахъ, — и твои страданія тотчасъ окончатся.»

Несчастный, чувствуя терзанія внутренностей, въ безпамятствѣ, сознавался во всемъ, по желанію *ампангин*а. Скоро смерть избавила его отъ страданія, и при-

существовавшие говорили: «Этотъ человекъ былъ ужасный преступникъ!»

Ратефъ, сынъ сильнаго владѣтеля Анкаія, другъ, наперстникъ Радамы, короля эмирскаго, заразилъ своего владѣтельнаго покровителя чесоткою, самую обыкновенною болѣзнію племени Оласовъ. Омбіаши, опасаясь вліянія королевскаго любимца при дворѣ, обвинили его въ злоумышленной порчѣ государя, и предложили ему принять *тангинъ*. Радама воспротивился этому; но Ратефъ замѣтилъ, что король охолодѣлъ къ нему, и произвольно подчинился судебному испытанію. Къ счастью, ядъ произвелъ рвоту, и обвиненный снова приобрѣлъ милость своего государя.

Кромѣ тангина и раскаленнаго желѣза, на островѣ Мадагаскарѣ употребляются и другія испытанія, смотря по местопребыванію и обычаямъ жителей.

Въ форгѣ Дофинъ, преступники и колдуны подвергаются испытанію, освященному обыкновеніями страны, при подножьи итаперскаго утеса. Въ Матапанѣ, судебное изслѣдованіе предоставлено кайманамъ. Вотъ одинъ случай, бывшій въ Матапанѣ.

Какъ-скоро наступило полнолуніе, судья созвалъ всѣхъ, кто принималъ участіе въ дѣлѣ, и уведомилъ объ этомъ начальника. Около десяти часовъ, всѣ собрались на богатой равнинѣ, не вдалекѣ отъ рѣки, въ которой водится множество каймановъ. Въ эту ночь, въ добычу кайманамъ была назначена молодая дѣвушка, которую одинъ родственникъ обвинялъ въ любовныхъ связяхъ съ невольникомъ, что считается ужаснымъ преступленіемъ въ Матапанѣ, а особенно въ частѣ Запакъ-Андіа, къ которой принадлежала осужденная. Причиною клеветы была ревность и корыстолюбіе доносчика: отецъ дѣвушки, умершій за нѣсколько лѣтъ, былъ главою сильнаго горнаго племени и не оставилъ послѣ себя дѣтей мужскаго пола.

Начальникъ приказалъ Ракарѣ (такъ называлась дѣвушка) сѣсть въ серединѣ круга и выслушать рѣчь судьи. Судья сначала замѣтилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ слишкомъ часто стали нарушать древнія обыкновенія и потомъ изложилъ дѣло. Послѣ этого, онъ заклиналъ Ракару сознаться въ преступленіи; но она отвѣчала твердымъ голосомъ: «Кайманы разсудятъ, ви-

повна ли я или нѣтъ, и тотчасъ узнаете истину.» Тогда судья передалъ дѣвушку исполнителю казни, который взялъ ее за руку и повелъ къ рѣкѣ. Здѣсь онъ заклиналъ каймановъ схватить и пожрать жертву, если она виновна въ преступленіи; между-тѣмъ Ракара обратилась къ подругамъ, провожавшимъ ее до самаго берега, и благодарила ихъ за искреннее расположеніе; потомъ просила снурокъ, чтобы перевязать волосы; сбросила свои наряды и кинулась въ воду.

Я трепеталъ, увидѣвъ каймановъ, которые высовывали изъ воды свои головы и, казалось, гнались за добычею; взоры всѣхъ зрителей были устремлены на несчастную. Луна освѣтила эту ужасную сцену, и я могъ слѣдить за всѣми движеніями дѣвушки; она плыла съ необыкновенною быстротою и скоро пристала къ одному, покрытому кустарникомъ, островку, который служилъ притономъ каймановъ и былъ назначенъ мѣстомъ испытанія. Ракара не робѣла и три раза проплыла кругомъ роковаго островка. Каждый разъ, какъ она исчезала изъ глазъ, я терялъ надежду увидѣть ее снова; между-тѣмъ ей посчастливилось избѣжать страшныхъ зубовъ каймановъ; спустя нѣсколько минутъ, она возвратилась къ намъ и, при радостныхъ крикахъ толпы, принимала поздравленія. Доносчика осудили заплатить значительный штрафъ, который превышалъ цѣнность всѣхъ его стадъ; но дѣвушка, по добротѣ сердца, сдѣлала уступку и предоставила клеветника угрызеніямъ собственной совѣсти.

СОСТАВНЫЯ ЧАСТИ АЗОТА. Недавнее открытіе господина Шенбейна должно интересовать всѣхъ химиковъ и физиковъ. Господинъ Шенбейнъ, профессоръ физики въ Бакѣ, успѣлъ разложить азотъ на двѣ составныя части. Эти части — *азонъ* и *водородъ*. Азонъ — тѣло простое, подобное хлору и іоду, потому азотъ, по своему составу, имѣетъ сходство съ гидрохлоринною кислотою.

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 1½ руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугода, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

~~38~~ ~~35~~ A 139
~~64~~ 36

№ 15. ІЮНЬ 1844.

~~159~~
~~260~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — *Иностранная Словесность.* Маріанна Эстерлингъ. — *Науки и Художества.* Калькутта. — *Смѣсь.* Давида Ленорманъ, парижская Сивилла. — *Земли,* изслѣдованія доктора Шлегеля. — *Нѣсколько дней проведенныхъ на ледяныхъ вершинахъ Монъ-Блана.* При этомъ номерѣ приложенъ портретъ дѣвицы Ленорманъ, парижской Сивиллы.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.